СКОРАЯ ПОМОЩЬ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ
ЗВЕЗДНЫЙ ВРАЧ
ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
ДЖЕЙМС УАЙТ
КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Джеймс Уайт

Скорая помощь

Серия «Космический госпиталь», книга 4

http://www.fenzin.org
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157285
Скорая помощь. Чрезвычайные происшествия. Звездный врач: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-014373-7
Оригинал: JamesWhite, “Ambulance Ship”
Перевод:
Надежда А. Сосновская

Аннотация

Джеймс Уайт (1928-1999) – один из известнейших английских писателей-фантастов – был автором многих замечательных книг. Но именно цикл произведений о Космическом госпитале принес ему особую популярность во всем мире.

«Космический госпиталь» Джеймса Уайта – не просто один из знаменитейших сериалов за всю историю научной фантастики, не просто оригинальнейшая из «космических опер» нашего времени, но – истинное ЯВЛЕНИЕ В ЖАНРЕ!

Над невероятными похождениями бригады межгалактических врачей смеются уже несколько поколений любителей фантастики

– в том числе и в нашей стране. Потому что «Космический госпиталь» – это ЕДИНСТВЕННАЯ фантастическая сага, в которой приключения и юмор переплетены настолько плотно, что отделить одно от другого практически НЕВОЗМОЖНО!..

Содержание

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ КОСМИЧЕСКОГО ГОСПИТАЛЯ 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 28
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 71
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Джеймс Уайт
Скорая помощь

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ КОСМИЧЕСКОГО ГОСПИТАЛЯ

Сериал «Космический Госпиталь», запущенный двадцать лет назад и насчитывающий на сегодняшний день четверть миллиона слов, зародился, можно сказать, почти случайно. На самом деле, если бы у покойного незабвенного Теда Карнелла, который в то время руководил британским журналом научной фантастики «New Worlds», не возникла отчаянная необходимость чем-то заполнить дыру объемом в семнадцать тысяч слов, образовавшуюся в ноябрьском номере за 1957 год, то вряд ли бы первая повесть сериала, «Главный Госпиталь Сектора», была бы принята без жесточайшей литературной хирургии.

Появление самой идеи «Космического Госпиталя» было вполне естественно – ну разве что несколько преждевременно: я профессионально писал чуть более четырех лет, и в моей работе еще были заметны огрехи. Но даже в те давние дни моего литературного ученичества я предпочитал выводить в качестве главных героев моих произведений меди-

ков или инопланетян. Мало-помалу и те и другие стали появляться в одних и тех же рассказах. К примеру, в сборнике издательства «Corgi» «The Aliens Among Us» был напечатан рассказ под названием «Убить или вылечить», в котором описывались отчаянные попытки военного врача из бригады спасательного вертолета оказать медицинскую помощь уцелевшему члену экипажа инопланетянского космического корабля, потерпевшего аварию. Так что было вполне естественным появление на свет историй о тех проблемах, которые могли возникнуть при оказании врачами-землянами медицинской помощи большому числу инопланетян и наоборот – в больничных условиях.

Однако повесть «Главный Госпиталь Сектора» не была лишена недостатков. Тед Карнелл полагал, что она лишена связного сюжета и что главный герой, доктор Конвей, просто-напросто плавно вплывал и столь же плавно уплывал из медицинских ситуаций, не решая при этом своей главной проблемы. Проблема заключалась в этическом конфликте, бушевавшем в разуме Конвея, а конфликтовали между собой милитаристический Корпус Мониторов, управлявший госпиталем, и медицинский персонал, состоявший из убежденных пацифистов. Карнелл посчитал повесть неровной, состоящей из отдельных эпизодов, и даже сравнил ее с «Десятой палатой интенсивной терапии». Так назывался довольно-таки туповатый телесериал тех времен, и сравнение моей повести с ним было, конечно, самым немилосердным из хи-

рургических надрезов на ее теле! Кроме того, он утверждал, что я наметил два положительных пути развития сюжета, но оба эти пути, на его взгляд, были ошибочны. Имелись и другие огрехи, которые выявились только при скрупулезнейшем изучении материала, но они были исправлены в последующих произведениях серии.

Но в целом идея Теду приглянулась. Он сказал, что время от времени я мог бы использовать крупную космическую больницу в качестве фона, на котором разворачиваются события основного повествования. Также он сообщил мне, что к нему в кабинет недавно наведывался Гарри Гаррисон и слегка прохаживался по моему адресу за то, что я, дескать, в некотором роде украл у него эту идею: он, оказывается, собирался запустить сериал из четырех-пяти рассказиков, действие которых должно было разворачиваться в большой космической больнице. По словам Теда, от мысли о написании этих рассказов Гарри не отказался, но энтузиазм его значительно угас.

Последнее напугало меня чуть ли не до смерти.

В то время с Гарри Гаррисоном я лично знаком не был, но знал о нем многое. В юности я прочел «Рокдрайвера», и Гаррисон стал одним из моих любимых авторов. Еще я знал, что он, когда сильно зол, разговаривает с людьми на повышенных тонах. Короче говоря, он мне представлялся этаким двуногим «Миром смерти». А я? Его фэн, начинающий писатель, у которого еще молоко на губах не обсохло, но ко-

торый между тем имел наглость «угасить энтузиазм» великого Гаррисона! Но, видимо, Гарри все же человек добрый и снисходительный, потому что со мной ничего катастрофического не случилось. По крайней мере – пока.

И все же где-то должен существовать параллельный мир, в котором мысль о написании сериала о Космическом Госпитале первой пришла именно к Гаррисону, и где энтузиазм угас у меня, и где полки в книжных магазинах ломятся от этих книжек. Если бы кто-то изобрел машину времени, я бы с огромным удовольствием взял бы ее напрокат, смотался в тот мир и накупил бы книжек Гаррисона.

Второй рассказ сериала назывался «Неприятности с Эмили», и Тед остался им доволен намного больше. В этом рассказе также действовал доктор Конвей. У него на плече какое-то время восседал инопланетянин размером с пинтовую кружку, обладавший незаурядными экстрасенсорными талантами. Кроме того, в рассказе фигурировала группа офицеров Корпуса Мониторов. Они с величайшей готовностью помогали Конвею в лечении бронтозавроподобной пациентки по имени Эмили – а все потому, что один из офицеров обожал романы сестер Бронте!

Но со временем я решил, что нужно каким-то образом просветить читателей относительно функции Корпуса Мониторов – правоохранительного и исполнительного органа Галактической Федерации, где обитали шестьдесят с лишним видов разумных существ, представители которых труди-

лись в стенах Космического Госпиталя. В результате на свет появилась очень длинная повесть (в ней было не менее двадцати одной тысячи слов) об истории Главного Госпиталя Сектора, которого на самом деле никогда не существовало.

В принципе Корпус Мониторов представлял собой полицейское подразделение межзвездного масштаба, но мне не хотелось уподоблять представителей этой организации тупым поборникам буквы закона, которых бы я вводил в повествование в тех случаях, когда хотел бы подсуропить моим героям-идеалистам очередной этический конфликт. Конвей у меня получался славным парнем, и мне хотелось, чтобы офицеры Корпуса Мониторов тоже были славными ребятами, но с другими понятиями о том, за счет чего можно добиться большей пользы, – вот и все.

В обязанности Мониторов входила межзвездная разведка и работа по налаживанию контактов с представителями новых видов, а также поддержание мира в Галактической Федерации. Если бы Мониторам не удавалось держать воинствующие расы в узде, потребовались бы полицейские операции, которые трудно было отличить от настоящей войны. Но командование Корпуса Мониторов предпочитало сдерживать внутрипланетные и межпланетные конфликты за счет мер психологического характера, а уж если, невзирая на все их усилия, война все же вспыхивала, тогда Мониторам приходилось прибегать к более тесному общению с ее разжигателями.

Этих воинственно настроенных существ классифицировать можно было скорее психологически, нежели физиологически: независимо от своей видовой принадлежности они представляли собой классификационный тип, ответственный за большую часть неприятностей в Федерации. В рассказе повествовалось о попытках Корпуса Мониторов остановить войну, а затем – убить ее в зачатке. Конвей, а вместе с ним и Главный Госпиталь Сектора вступали в действие только тогда, когда дров уже было наломано больше чем достаточно. Медикам пришлось возиться с огромным числом раненых людей и инопланетян. Первоначально рассказ назывался «Классификация – воин».

Однако Тед настаивал на том, что рассказ слишком серьезен для того, чтобы включать его в серию о Космическом Госпитале. Он заставил меня убрать все упоминания о Корпусе Мониторов, который в итоге был переименован в «Звездную гвардию», о Галактической Федерации, Главном Госпитале Двенадцатого Сектора и Конвее. В конце концов рассказ получил название: «Профессия – воин». Он был опубликован в сборнике «Инопланетяне среди нас», где был напечатан и «нормальный» рассказ о Космическом Госпитале под названием «Контрзаклинание». При этом два рассказа делали вид, что друг дружку не узнают.

С появлением следующего рассказа, «Важный гость», из сборника издательства «Corgi» «Hospital Station» серия прочно вернулась на накатанную колею. В этом рассказе

впервые появляется насекомоподобный, невероятно хрупкий и чувствительный к чужим эмоциям доктор Приликла, который в дальнейшем стал самым популярным персонажем серии. Пациент, которого лечили Конвей и Приликла, просто-таки не мог заболеть физически, но при этом страдал от расстройства психики. Этот пациент напоминал амебу, обладал ярко выраженными способностями к адаптации и умел отращивать конечности и органы чувств любой конфигурации и длины в зависимости от обстоятельств. Он размножался делением, и новые частицы наследовали всю память, знания и опыт «родителя» и также родителя родителя и т.д. – до самого начала эволюции существ данного вида. Проблема этого пациента состояла в том, что он пережил травму, в результате которой был вынужден отказаться от всех контактов с внешним миром и медленно растворялся в воде, этой колыбели всего живого. Собственно, вода и стала средством спасения пациента.

К первым трем повестям серии проявил некоторый интерес Дон Вольгейм. Их общий объем приближался к сорока пяти тысячам слов, и этого почти хватало для выпуска в серии «Ace Double», но, увы, ничего не произошло.

В следующем рассказе сюжетная линия совершила скачок в прошлое – в те времена, когда Космический Госпиталь пребывал в стадии сборки. Героем этого рассказа был О'Мара, который впоследствии стал Главным психологом госпиталя. За ним последовал рассказ о пациенте с потрясающим

ассорти симптомов, которого Конвей, невзирая на все советы и распоряжения вышестоящих медиков, упорно отказывался лечить. Рассказы были названы, соответственно, «Медик» и «Амбулаторный пациент». Они также вышли в сборнике «Hospital Station». В итоге там были опубликованы все пять рассказов о Космическом Госпитале, написанных к тому времени.

Примерно тогда же готовился к печати сотый номер «New Worlds», и Тед Карнелл обратился к авторам с просьбой написать что-нибудь особенное для этого номера. Я предоставил вещицу объемом в четырнадцать тысяч слов под названием «Ученик», которую Тед немедленно взял в девяносто девятый номер, поскольку, как он сказал, в сотом номере осталось пространство размером только в семь тысяч слов. При этом он поинтересовался, не сумел бы ли я заполнить эту «дырку» коротеньким рассказиком из серии о Космическом Госпитале, сваяв его за три недели.

Мне ужасно хотелось попасть в сотый номер вместе с обоймой знаменитых авторов, но, как назло, в то время у меня в голове не было ни единой инопланетянской болячки. В отчаянии я попытался построить сюжет, в центре которого была бы человеческая болезнь, у которой мог бы иметься инопланетянский аналог. В итоге я избрал для своей цели болезнь, с которой был знаком не понаслышке, – диабет.

Как вы понимаете, сделать человеку инъекцию инсулина проще простого. Ну, я иногда вскрикиваю: «Ой!» Но пред-

ставьте себе, что пациент-диабетик – это крабоподобное существо, чьи конечности и тело покрыты прочнейшим панцирем! Пожалуй, такому вряд ли удастся сделать укол, если только не поработаешь для начала дрелью фирмы «Блэк и Декер» со стерильным сверлом и не предусмотришь всех пагубных последствий повреждения целостности панциря. Вот этой проблеме и был посвящен рассказ «Контрзаклинание», в котором появляется отличающаяся необычайно привлекательными формами медсестра – в будущем патофизиолог Мерчисон. Этот рассказ превосходно вписался в «дыру» величиной в семь тысяч слов в сотом детище Теда, а также был впоследствии опубликован в сборнике «Инопланетяне среди нас».

Вероятно, новая сюжетная идея для сериала возникла после того, как я не то во второй, не то в третий раз перечитал «Иглу» Хэла Клемента. Фабула состояла в том, что некая важная инопланетянская персона поссорилась со своим личным лечащим врачом и в результате попала в госпиталь. Лишь намного позднее по ходу развития сюжета Конвей обнаруживает, что лечащий врач, о котором идет речь, является… разумной, организованной, вирусоподобной формой жизни, живущей и осуществляющей свою трудовую деятельность в организме пациента. Рассказ, что вполне естественно, был назван «Личный врач» и послужил вступлением к первому и пока единственному роману о Космической больнице – книге «Полевой госпиталь». «Личный врач» и «Поле-

вой госпиталь» позднее были опубликованы издательством «Corgi» под одной обложкой под названием «Звездный хирург».

Вообще мне не нравятся произведения о жестокости и бессмысленных убийствах во время войны. Но в сюжете, во имя завоевания интереса читателя, должен присутствовать конфликт, а стало быть – некая порция жестокости и борьбы. Однако в медицинской научно-фантастической книге о Космическом Госпитале жестокость – это прямой или косвенный результат природной катастрофы, космической аварии или какой-либо эпидемии. А если имеет место война – как, к примеру, в «Звездном хирурге», то медики сражаются исключительно за жизнь своих пациентов, а Корпус Мониторов, как порядочные полицейские, коими они, по сути, являются, стараются не столько выиграть войну, сколько остановить ее. Именно в этом и заключается коренное различие между сохранением мира и борьбой с войнами.

Я не стану здесь вдаваться в подробности сюжета «Звездного хирурга», но об одной из них стоит упомянуть. В рассказе «Профессия – воин», который по идее должен был стать четвертым из серии о Космическом Госпитале и иметь название «Классификация – воин», главным героем был специалист по военной тактике по имени Дермод. Герой с таким же именем выведен в «Звездном хирурге» в роли командующего флотом Корпуса Мониторов, стоявшего во главе обороны госпиталя. Ему же было суждено принять боль-

шое участие в более позднем романе «Большая операция». Не знаю, зачем мне понадобилось налаживать эту хрупкую связь между сериалом как таковым и рассказом о Главном Госпитале Сектора, который был намеренно «обезглавлен», но тогда мне это представлялось важным.

Следующие произведения сериала появились после паузы длиной в четыре года. Это были пять повестей, которые, как и повести из книги «Скорая помощь», я планировал впоследствии объединить в роман. Повести назывались «Захватчик», «Головокружение», «Брат по крови», «Фрикаделька» и «Большая операция» и были опубликованы в журнале «New Writings in Science Fiction» в номерах 12, 14, 16, 18 и 21 соответственно.

Первой шла повесть «Захватчик», в которой рассказывается о том, как медики госпиталя стали обладателями нового инструмента, управляемого силой мысли. На почве его применения возникает немало бед, пока Конвей не осознает, насколько эффективным может быть этот прибор в руках хирурга, который бы целиком и полностью разбирался в тонкостях его применения. В процессе проведения исследований на той планете, где был изобретен этот инструмент, представители Корпуса Мониторов спасли существо в форме пончика. Этому существу приходилось непрерывно вращаться, чтобы оставаться в живых: у него не было сердца, и его система кровообращения работала исключительно за счет гравитации. Повесть об этом инопланетянине называлась «Го-

ловокружение», а самого инопланетянина я получил в подарок от моего друга Боба Шоу. Он подарил мне его вместе с названием – «драмбон».

Боб полагал, что будет очень забавно, если я воспользуюсь придуманным им инопланетянином и назову его, как и он сам в одном из рассказов, драмбоном. Затем предполагалось ждать и смотреть, сколько же пройдет времени, прежде чем кто-то из бонз научной фантастики заметит, как некое вымышленное существо перекочевало – а точнее говоря, перекатилось – из книжки одного фантаста в книжку другого. Однако до сих пор перемещения кочующих драмбонов так и остались незамеченными.

Следующая повесть в этой серии написана в ответ на идею, высказанную англичанином Кеном Чеслином, который в то время считался одним из самых знаменитых фэнов научной фантастики. Мы болтали на домашней вечеринке – должен заметить, что на домашних вечеринках во время научно-фантастических конвенций порой происходит обмен очень странными идеями. Так вот: как мне помнится, Кен сказал примерно следующее: «Джеймс, а ведь было время, когда врачей называли «блохами». Почему бы тебе не написать рассказик о враче, который и есть самая настоящая блоха?» В итоге мною был придуман врач-инопланетянин, практиковавший особенный метод лечения. Этот метод заключался в том, что врач высасывал у пациента практически всю кровь (что, естественно, не вызывало жгучего энтузиаз-

ма у пациента), затем удалял из нее токсические вещества или микробов, а потом возвращал чистенькую, новенькую кровь пациенту. Повесть получила название «Брат по крови». Спасибо, Кен.

О «Фрикадельке» и заключительной повести «Большая операция» сказать почти нечего, кроме того, что в обеих повестях пациенткой является целая живая планета, немыслимо отравленная и загрязненная. Лечение этой планеты осуществляется в таких глобальных масштабах, что операция становится не только хирургической, но и военной.

Следующая повесть серии, опубликованная в журнале «New Writings in Science Fiction», была названа «Космическая птица». В черновиках у меня уже давно имелся набросок органического звездолета, лишенного каких бы то ни было металлических деталей, но мне никак не удавалось использовать эту «пташку» – пока я не придумал, как ее разогнать до скорости убегания. Потом, на одной из конвенций, я встретился с Джеком Коэном и рассказал ему о моей проблеме. Джек, человек крайне отзывчивый и помешанный на ксенобиологической многовариантности, является профессиональным биологом и преподает курс размножения животных в Бирмингемском университете. Он столько всего знает о странных и удивительных существах, что если спросить его о том, возможно ли в принципе, с физиологической точки зрения, существование некоего гипотетического создания, он тут же приведет в пример парочку обитателей Земли, ко-

торые окажутся еще немыслимее. Джек счел, что ответом на мою проблему может стать жук-бомбардир – крошечное насекомое, обитающее в средней Европе. В мгновения опасности жук-бомбардир производит и со страшной силой выбрасывает газы и в результате пролетает много дюймов.

В итоге в моей повести разгон космической птицы осуществляется миллионами бомбардиров-переростков, формирующих нечто вроде многоступенчатой стартовой системы. С их помощью «птица» стартует с планеты, отличающейся высокой центробежной силой и низкой силой притяжения. Мне казалось, что эта идея должна сразить читателей наповал. Представить только: какое это было достижение для расы, напрочь лишенной металлов! А вообразите, какая требовалась точность, прецизионность на всех этапах! Вот только аромат, сопровождавший эту уникальную космическую процедуру, представлять не советую…

Затем последовали еще две книги – «Звездолет-неотложка» и «Главный Госпиталь Сектора», включавшие тесно связанные между собой повести «Происшествие», «Инфекция», «Карантин», «Выздоровление», «Уцелевший», «Исследование» и «Совместная операция». В них речь идет о нововведении в работе Космического Госпиталя – об организации особой неотложной помощи. Экипажу космической неотложки приходится решать все проблемы быстро, какими бы они ни были – физиологическими, психологическими или инженерными. От того, удастся ли срочно разобрать-

ся с этими проблемами непосредственно на месте происшествия, зависит возможность доставки пациентов в госпиталь живыми. Причем надо учесть, что задачи на месте происшествия бригадой корабля-неотложки решаются на огромных расстояниях от оснащенного по последнему слову медицинской науки госпиталя, поэтому инженеры и медики должны полагаться только на собственную изобретательность и крайне ограниченные ресурсы. В случае, если принятое ими решение окажется неверным, последствия могут быть поистине непредсказуемыми.

«Происшествие» сыграло роль своеобразного предисловия, которое связало двух главных героев из более раннего рассказа «Мемориал» с сериалом о Космическом Госпитале. В «Происшествии» описывается инцидент, из-за которого могла вспыхнуть межзвездная война. В основе инцидента лежала серьезная политическая проблема, и герои придумали, как ее разрешить: за счет строительства огромной многовидовой космической больницы. В повести «Инфекция» экипаж звездолета-неотложки сталкивается с опаснейшей медицинской задачей во время полета, который, как предполагалось, будет безобидной прогулкой. В повести «Карантин» и «неотложники», и весь госпиталь поставлены перед проблемой, которая по идее не должна была возникнуть по определению: медики (как им кажется) имеют дело с микробом, способным преодолевать межвидовые барьеры и заражать всех и вся в госпитале. В «Выздоровлении» брига-

да врачей устанавливает первый контакт и проводит спасательную операцию, во время которой умственные и медицинские ресурсы «неотложников» истощаются до предела: врачи напрягаются изо всех сил, пытаясь разгадать биологическую сущность двух самых удивительных и одновременно самых злобных из всех созданий, которые когда-либо возникали на страницах сериала. В повести «Уцелевший» экипаж неотложки возится с еще одним инопланетянином, и снова возникает опасение, что оно наконец найдено – исключение из «золотого» правила: микроб с одной планеты не способен вызвать болезнь у существа с другой. В повести «Исследование» врачи впервые занимаются криминалистикой: между ними и офицерами Корпуса Мониторов возникает конфликт – есть подозрение, что пациент совершил массовое убийство.

Я уже давно неровно дышу к здоровенным инопланетянам (думаю, я им тоже нравлюсь), и в отличие от моей бедняжки жены Пегги, которой приходится первой читать мои гранки, я совсем не боюсь змей. Идея пришла мне в голову, когда однажды я возился в саду и нечаянно перерубил лопатой большого дождевого червяка. Этого червяка я мысленно увеличил до размеров змея Мидгарда, который, как гласит сказание, окольцовывает Землю и сжимает в зубах собственный хвост. Придуманный мной инопланетянин не был таким огромным – его длина составляла всего каких-нибудь пять-шесть миль, – но для его лечения потребовалась совершенно

не медицинская помощь флота Корпуса Мониторов. Рассказ был назван «Совместная операция».

Сочиняя повести для сборника «Главный Госпиталь Сектора», я вдруг почувствовал, что сериал затянулся, и решил закончить его шестой книгой, романом «Диагност», который впоследствии был переименован покойной Джуди-Линн дель Рей, по которой я ужасно тоскую, и получил название «Звездный врач». В этой книге на Конвея, прежде занимавшегося лечением отдельных пациентов, возлагают ответственность за большое число больных. Роман начинается с того, что Конвея на время снимают с работы на звездолете-неотложке и направляют на Гоглеск – родину существ, относящихся к типу физиологической классификации ФОКТ. Эти существа в мгновения большой опасности соединяются друг с другом и образуют совершенно жуткое и потрясающее по тупости сообщество, крушащее все, что попадается на глаза, включая и все достижения собственной цивилизации. ФОКТ соединялись друг с другом с помощью волосков своей пушистой разноцветной шерсти и, сплетаясь, уподоблялись огромному пестрому ковру. Всякое сходство между ними и гоглесганским – простите, глазгианским фан-клубом под названием «Друзья Килгора Траута», которым и посвящена эта книжка, абсолютно не случайно. Похоже, ФОКТы из Глазго обожают, когда их оскорбляют – тем более когда кто-то тратит на оскорбление семьдесят с лишним тысяч слов: когда я побывал в Глазго в прошлом году на конференции под на-

званием «Пересечение», со мной ничего ужасного не случилось.

В «Звездном враче» более или менее сносно просматривается будущее всех главных героев предыдущих книг: Конвей после долгой и беспримерной работы как в госпитале, так и за его пределами, назначен Главным диагностом Хирургического отделения. Волнующе-красивая патофизиолог Мерчисон по идее должна унаследовать должность своего шефа Торннастора. Она выходит замуж за Конвея, но, по настоянию своих коллег, относящихся к другим видам, фамилию не меняет – по их мнению, от такой драгоценности, как имя, нельзя отказываться только из-за того, что ты становишься чьей-то там спутницей жизни. Не вызывало сомнений и будущее других медиков – Приликлы и Нэйдрад и всех прочих, и потому я решил, что книгой под номером шесть вполне можно завершить сериал.

Джуди-Линн была на этот счет иного мнения.

В седьмой книге, «Межзвездная неотложка», правила игры изменились. Конвей, Мерчисон, Приликла et al (ну ладно, ну захотелось похвастаться классическим образованием. «Et al» здесь означает «и все прочие инопланетяне») уведены на задний план, а главное внимание я сосредоточил на новом персонаже. В данном случае это была новенькая практикантка, инопланетянка по имени Ча Трат, которой поручали самые обычные задания, какие принято поручать практикантам. В ходе выполнения этих заданий Ча Трат уста-

новила, что среди видов, населяющих Галактическую Федерацию, нет ни одного, чьи экскременты сладко благоухают. Медицинская этика на родной планете Ча Трат отличалась необычайной жесткостью: к примеру, хирург, неспособный сберечь конечность больного, обязан был отсечь свою конечность. В итоге Ча Трат не стали держать в медицинском штате и «сослали» в эксплуатационный отдел. Так я получил возможность исследовать «подземелья» госпиталя – таинственный лабиринт технических туннелей, где никогда не ступала нога медика, и описать все, что происходило с Ча Трат вплоть до того момента, когда она наконец находит свое место в госпитале и становится сотрудницей Отделения многовидовой психологии – вотчины О'Мары.

Сюжет истории номер восемь – «Врача-убийцы» – подсказала Пегги. Она ходила на молитвенные собрания в ближайший монастырь (было очень удобно: монахини не брали с членов этой общины платы за аренду помещения), а кроме того, в самые тяжелые дни Конфликта работала в отделении интенсивной дыхательной терапии. Я ни в какую молитвенную общину не входил и никогда входить не буду, но Пегги рассказывала мне о кое-каких дебатах, которые у них возникали после собраний. Во время этих дебатов, которые Пегги называла «чайно-еретическими», высказывался целый ряд восхитительных и диких, пусть и не совсем инопланетянских, богословских идей. Когда же Пегги работала в отделении интенсивной дыхательной терапии, туда поступа-

ли жертвы самых страшных автомобильных аварий и взрывов бомб, люди с огнестрельными ранениями. Возвращаясь с дежурства с утра в воскресенье, Пегги, пытаясь немного развеяться, рассказывала мне за завтраком обо всех, кто поступил в отделение за ночь. Однажды она упомянула о каком-то из больничных священников, не сказав, к какой конфессии он принадлежал, но зато отметила, что визит этого священника сказался на пациентах более благотворно, чем все галлоны медикаментов, которые в них вкачали медики.

В романе главным героем стал Лиорен – врач, с отличием окончивший курсы повышения квалификации в Главном Госпитале Сектора и к тому же имевший ранг хирурга-командора в рядах Корпуса Мониторов. Лиорен попадает под трибунал за халатность, проявленную во время борьбы с тяжелой эпидемией. В результате этой халатности почти все население планеты погибло, однако Лиорена оправдывают. Сам он с приговором не согласен. Он не может простить себя. Он горд, необычайно умен и наделен недюжинным врачебным талантом, но дает зарок более никогда в жизни не заниматься медицинской практикой, а жить он собирается недолго. В качестве лечебной процедуры, призванной отвлечь Лиорена от мыслей о самоубийстве, О'Мара дает ему несколько поручений немедицинского характера. В ходе этих поручений Лиорену приходится разговаривать то с пациентами, пребывающими то в состоянии глубокой депрессии, то с находящимися при смерти, то с теми, которым нуж-

на религиозная беседа. Будучи, с одной стороны, существом гордым, но с другой – преданным той профессии, от которой он наотрез отказался, Лиорен старается исполнить порученные ему задания, изучая любые сведения о религиозных верованиях и практиках существ, населяющих Галактическую Федерацию. При этом он ни разу не признается в том, а каких же верований придерживается он сам и придерживается ли вообще. На почве выполнения поручений О'Мары Лиорен попадает во всевозможные злоключения и экстренные медицинские ситуации. Кульминацией романа становится операция, которую без наркоза делают гигантскому существу, способному разрушить госпиталь, всего лишь слегка вздрогнув. Лиорен во время этой операции оказывает пациенту психологическую поддержку. В конце концов Лиорену удается невозможное – он прощает себя и становится одним из самых любимых и уважаемых сотрудников в госпитале.

В романе «Галактический шеф-повар» в госпиталь вторгается новый персонаж. Гурронсевас считается непревзойденным, лучшим в Галактической Федерации кулинаром. Пост Главного диетолога в Космическом Госпитале – вызов его профессиональному мастерству. Гурронсевас мечтает сделать больничную еду съедобной. Эта книга более легкая, чем предыдущая, но и в ней есть доля драмы, есть и проблемы первого контакта, а также грандиозный и очень необычный финал – хотя, пожалуй, вернее было бы сказать «десерт». Эта, девятая книга сериала должна выйти к нача-

лу третьего конвента в Лос-Анджелесе, и потому было бы неправильно рассказывать о ней что-то еще, дабы не испортить вам удовольствие.

То же самое относится и еще к одной неопубликованной книге, «Окончательный диагноз», написанной как бы от лица пациента-землянина, направленного в Главный Госпиталь Сектора по поводу поистине загадочного заболевания. Поначалу пациента охватывает ксенофобия, поскольку с подросткового возраста он жил только на Земле, но затем он постепенно привыкает к ухаживающим за ним медикам-великанам. Вскоре он уже режется в картишки с инопланетянами – соседями по палате, сплетничает с медсестрами-инопланетянками, а потом летит на звездолете-неотложке вместе с бригадой медиков на ту колониальную планету, где родился. Там врачи узнают невероятную правду о том, что случилось с пациентом в детстве, и о том, что это означает для Главного Госпиталя Сектора.

На мой взгляд, книга номер десять – самая лучшая в сериале, но я в конце концов автор, так что – как я могу судить? Ну а десятая книга, да еще с таким названием, – чем не «круглое» окончание?

Итак, на сегодняшний день в сериале о Космическом Госпитале – один рассказ, девятнадцать повестей и шесть романов, а в них – около восьмисот тысяч слов. Мне бы хотелось и впредь писать об инопланетянах, об их удивительной физиологии, об их непостижимых мыслительных процессах, о

проблемах связи и понимания, возникающих при общении с ними. Но тут у меня возникает одна проблема…

Стоит мне придумать такого героя, который всем инопланетянам инопланетянин, как он быстренько заболевает или получает травму при космической аварии и в конце концов становится пациентом Главного Госпиталя Двенадцатого Сектора Галактики.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КОСМИЧЕСКАЯ ПТИЦА

1

Разведывательный корабль Корпуса Мониторов «Торранс» выполнял задание, которое было одновременно жутко важным и немыслимо скучным. Как всем прочим звездолетам той флотилии, к которой был приписан «Торранс», ему был отведен для разведки, можно сказать, крошечный участок Девятого Сектора Галактики – одно из многих трехмерных «белых пятен», которые все еще имелись на звездных картах Федерации. Задание состояло в том, чтобы определить типы и местоположение звезд в этом районе, а также число обращающихся вокруг них планет.

В связи с тем, что маленький корабль с экипажем из десяти человек не располагал мощностями для осуществления процедуры первого контакта, «Торрансу» было запрещено не только приземляться, но и близко подлетать к любой из обнаруженных планет. Планеты, на которых обитали существа, достигшие высокого уровня развития техники, полагалось определять анализом радиочастот и прочих видов излу-

чения. Своим подчиненным майор Мэдден в самом начале экспедиции сказал, что заниматься они будут исключительно тем, что станут считать огоньки на небе – только и всего.

Но естественно, его величество Случай не заставил себя ждать…

– Говорит радарный отсек, сэр, – прозвучал голос из динамика на пульте управления капитанского мостика. – Объект на экране ближнего обзора. Расстояние – шесть миль, приближается медленно, столкновение не грозит.

– Наведите телескоп на эту штуковину, – распорядился капитан. – Посмотрим, что это такое.

– Будет сделано, сэр. Дисплей номер два.

Дисциплина на кораблях-разведчиках Корпуса Мониторов становилась строгой только тогда, когда того требовали обстоятельства. Как правило, во время выполнения заданий по картированию участков галактики таких обстоятельств не возникало. Вот и теперь переговоры капитана с радарным отсеком скорее напоминали дружеские дебаты, нежели разговор начальника с подчиненными.

– Это похоже на… на птицу, сэр. На птицу с расправленными крыльями.

– На общипанную птицу.

– Кто-нибудь подсчитал вероятность прохождения нашего курса в столь непосредственной близости от объекта в межзвездном пространстве?

– Думаю, это астероид или расплавленная масса, которая

случайно застыла в такой форме.

– В двух световых годах от ближайшего солнца?

– Спокойнее, прошу вас, – вмешался капитан. – Сосредоточьтесь на данных анализатора и докладывайте.

Последовала короткая пауза, а затем:

– Приблизительный объем – одна треть от объема нашего корабля. Объект не отражает света, он неметаллический, неминеральный и…

– Не хватит ли «не»? – сухо осведомился капитан.

– Он органический, сэр, и…

– И?..

– И живой.

На несколько секунд капитан вместе с динамиком на мостике затаили дыхание. Затем Мэдден решительно проговорил:

– Энергетической отсек. Приготовиться к переходу на маневренную скорость через пять минут. Навигационный отсек. Уравнять курс корабля с курсом объекта и подойти к нему на расстояние около пятисот ярдов. Артиллерийская часть – боевая готовность. Хирург-лейтенант Бреннер – подготовиться к выходу в открытый космос.

Вот так дебаты были закончены.

В течение последующих четырех часов лейтенант Бреннер обследовал странное существо – сначала с безопасного расстояния, а потом настолько близко, насколько позволял его скафандр. Он решил, что анализатор сделал излишне оп-

тимистичные выводы и что на самом деле обнаружен всего лишь труп, который не успел безнадежно окоченеть. Огромное птицеподобное существо, конечно же, не представляло собой никакой угрозы, поскольку при всем своем желании не смогло бы пошевелиться. Оно целиком было покрыто здоровенными чешуями, которые, казалось, были скреплены между собой чем-то наподобие цемента.

Позднее, заканчивая рапортовать капитану, Бреннер сказал:

– Короче говоря, сэр, эта тварь страдает каким-то жутким кожным заболеванием. По всей вероятности, вылечить ее от этой болячки не смогли, вот и вышвырнули в космос, поскольку прилететь сюда она никак не могла. Следовательно, мы имеем дело с расой, освоившей космические полеты, представителей которой так пугают определенные кожные болезни, что они готовы выкинуть пациентов в открытый космос, когда те еще живы.

Как вам известно, – продолжал Бреннер, – я не специалист по лечению заболеваний у инопланетян, а это существо слишком велико для того, чтобы разместить его в нашем грузовом отсеке. Но мы могли бы расширить нашу гиперпространственную оболочку и переправить нашу находку в Главный Госпиталь Двенадцатого Сектора.

Этот полет, – с надеждой в голосе добавил он, – мог бы приятно разнообразить наши серые будни, а я там еще ни разу не бывал. Говорят, будто бы там не у всех медсестер по

шесть ног.

Капитан, немного помолчав, кивнул.

– Точно, – буркнул он. – Я там бывал и скажу вам, что у некоторых медсестер ног и побольше будет.

В кормовом обзорном иллюминаторе красовалась конструкция, напоминавшая новогоднюю елку, собранную из гигантских цилиндров – Главный Госпиталь Двенадцатого Сектора Галактики. Тысячи его иллюминаторов горели разноцветными огнями разной интенсивности, в зависимости от зрительных потребностей пациентов и сотрудников. Внутри здания, на трехстах восьмидесяти четырех уровнях были воспроизведены условия обитания всех разумных существ, известных в Галактической Федерации, биологический спектр которых колебался в рамках от сверххрупких метанодышащих созданий до экзотических существ, живущих за счет поглощения и переработки жесткой радиации. В промежутке между этими двумя крайностями располагались более привычные формы жизни – кислородо– и хлородышащие существа.

Помимо пациентов, количество и типы физиологической классификации которых непрерывно менялись, в здании госпиталя размещался медицинский и обслуживающий персонал, состоявший из представителей шестидесяти с лишним видов – обладателей шестидесяти с лишним разновидностей воззрений на жизнь, запахов тела и привычек.

Сотрудники Космического Госпиталя гордились тем, что для них не существовало слишком крупных, слишком мелких и чересчур безнадежных пациентов. Их репутация и оборудование госпиталя были выше всех похвал. Врачи здесь работали только талантливые, преданные своему делу, вот разве что только серьезностью блистали не всегда. Вот и в данном случае Старший врач Конвей никак не мог избавиться от впечатления, что над ним кто-то решил весьма замысловато подшутить.

– Даже теперь, – сухо заметил он, – когда я вижу эту штуковину своими глазами, я не в состоянии в нее поверить.

Патофизиолог Мерчисон, стоявшая рядом с ним, молча смотрела в иллюминатор на «Торранс» и его «добычу». Доктор Приликла, разместившийся на потолке отсека управления с помощью присосок, коими были снабжены его шесть тоненьких лапок, едва заметно подрагивая, проговорил:

– Случай может оказаться весьма интересным и волнующим с профессиональной точки зрения, друг Конвей.

Музыкальные трели и пощелкивания речи цинрусскийца были пойманы микрофоном портативного транслятора Конвея, переданы на центральный переводческий компьютер госпиталя и далее – в наушники в переведенном на холодный, плоский английский язык виде. Как и следовало ожидать, Конвей ответил вежливо, тактично и подчеркнуто дружелюбно.

Приликла представлял собой крупное насекомое с ше-

стью лапками и парой прозрачных радужных крыльев, которые позволяли ему, будучи не до конца атрофированными, совершать короткие перелеты. Приликла отличался чрезвычайной чувствительностью к чужим эмоциям. Только на Цинруссе, где атмосфера была плотной, а сила притяжения – в восемь раз ниже земной, раса насекомых могла дорасти до таких крупных размеров, обзавестись разумом и развить цивилизацию. Однако в Космическом Госпитале Приликла подвергался смертельной опасности на протяжении почти всего рабочего дня. Всюду за пределами своей комнаты он был вынужден пользоваться антигравитационным устройством, поскольку при тех показателях гравитации, которые для большинства его коллег были нормальными, Приликлу могло расплющить в лепешку. Когда же цинрусскиец с кем-нибудь разговаривал, он держался на почтительном расстоянии от собеседника, дабы тот случайно не задел его рукой, лапой или щупальцем, что также могло сказаться на здоровье хрупкого эмпата весьма плачевно.

Конечно, нарочно поранить Приликлу или даже сделать ему больно никто не желал – для этого его все слишком сильно любили. Эмпатический дар цинрусскийцев вынуждал их быть добрыми и участливыми абсолютно ко всем, дабы окружать себя по возможности благоприятным эмоциональным излучением.

Исключение составляли ситуации, когда профессиональный долг заставлял Приликлу подвергаться боли и урагану

чувств, испытываемых пациентом. Именно такая ситуация и могла сложиться через несколько минут.

Неожиданно обернувшись к Приликле, Конвей сказал:

– Облачайся в легкий скафандр, но от пациента держись подальше, пока мы не сообщим тебе, что существо не опасно и не производит никаких движений, даже непроизвольных. Мы наденем тяжелые скафандры – большей частью из-за того, что на них имеется достаточное количество зацепок, которыми можно закрепить диагностические приборы. Я попрошу медика с «Торранса» сделать то же самое.

Через полчаса лейтенант Бреннер, Мерчисон и Конвей расположились около тела громадной птицы, а Приликла, облачившийся в прозрачный пластиковый пузырь, из которого торчали только его лапки, парил рядом с люком звездолета.

– Заметного эмоционального излучения не наблюдается, друг Конвей, – сообщил эмпат.

– И это меня не удивляет, – заметила Мерчисон.

– Вероятно, это существо мертво, – оправдывающимся тоном проговорил лейтенант, – но когда мы его обнаружили, температура его тела была значительно выше нормы для объекта, согреваемого только солнцем на расстоянии двух световых лет.

– Я вовсе не собиралась высказывать вам претензии, доктор, – поспешила извиниться Мерчисон. – Я только высказала согласие с нашим другом эмпатом. Но хочу вас спросить

вот о чем: на пути к госпиталю не проводили ли вы каких-либо обследований этого существа, не брали ли каких-либо проб, не делали ли каких-либо предварительных выводов на основании анализов этих тестов? Вы только не стесняйтесь, лейтенант. Пусть мы считаемся признанными экспертами в ксенологической медицине и физиологии, но этого статуса мы достигли исключительно за счет того, что долгое время внимательно слушали и столь же внимательно смотрели, а вовсе не из-за того, что непрерывно демонстрировали наш богатый опыт. Естественно, вас снедало любопытство и?..

– Да, мэм, – отозвался Бреннер. В голосе его прозвучало неприкрытое удивление тем, что внутри бесформенного скафандра находится женщина. – Я решил, что, поскольку неизвестно, с какой планеты родом это существо, нужно попробовать выяснить, какие атмосферные условия являются для него подходящими. Я подумал: раз это птица, то ей нужна атмосфера для полетов, и что в открытом космосе она оказалась потому, что ее откуда-то выбросили из-за неизлечимой болезни…

Конвей слушал и с трудом сдерживал восхищение: как ловко Мерчисон заставила военного медика рассказать обо всем, что тот сделал не так. Будучи специалистом по многовидовой патофизиологии, Мерчисон привыкла к тому, что дилетанты либо вмешиваются в ее работу, либо так или иначе ее осложняют. Теперь ей нужно было узнать как можно больше о первоначальном состоянии пациента, пока измене-

ния этого состояния либо последствия обследования, проведенного неопытным медиком (даже из самых наилучших побуждений), не сказались бы самым пагубным образом на здоровье существа. Все, что ей нужно было узнать, Мерчисон выясняла спокойно, не обижая Бреннера – ну ни дать ни взять Приликла в человеческом обличье.

Но по мере рассказа Бреннера становилось все яснее, что на самом деле тот сделал совсем немного ошибок, а может быть, и не сделал вовсе. Мало-помалу полюс профессионального восхищения Конвея сместился в сторону лейтенанта.

– После того как я отправил предварительный отчет и мы стартовали к госпиталю, – продолжал свой рассказ Бреннер, – я обнаружил два небольших загрубевших участка в черном веществе, которым покрыто существо: небольшую круглую бляшку в основании шеи – вот здесь, а также овальное пятно, чуть побольше размером, снизу. Оба эти участка имеют растрескавшуюся поверхность, но трещины заполнены, целиком или частично, все тем же черным веществом. Некоторые чешуйки в этих участках также повреждены. Вот с этих участков я и брал пробы для анализа.

– И, как я вижу, вы пометили эти участки, – вставила Мерчисон. – Продолжайте, доктор, прошу вас.

– Хорошо, мэм, – отозвался Бреннер. – Черное вещество, судя по всему, представляет собой почти совершенный теплоизоляционный материал. Оно имеет высокий коэффици-

ент теплового сопротивления и выдержало даже обработку паяльной горелкой, включенной на умеренную мощность. При очень высокой температуре исследуемое вещество превращалось в черную золу. Зола разлеталась в стороны, но при этом не размягчалась и не трескалась. Осколки поврежденных чешуек не демонстрировали столько же высокой степени теплоустойчивости – если только не были покрыты черным веществом.

Кроме того, черное вещество оказалось устойчивым к обработке химическими веществами, – продолжал Бреннер, – в отличие от вещества, из которого состоят чешуйки. Когда осколки чешуек были помещены в различные типы атмосферы, результаты показали, что вещество, из которого они сложены, вряд ли сформировалось в какой-либо экзотической среде – метаносодержащей, аммиакосодержащей или даже хлоросодержащей. По химическому составу фрагменты чешуек представляют собой гидрокарбонатную основу. В опытах они не реагировали с газовой смесью, насыщенной кислородом…

– Будьте добры, расскажите мне подробнее о проведенных вами анализах, – прервала лейтенанта Мерчисон, вдруг перешедшая на сугубо профессиональный тон. Лейтенант пока не понял, что тем самым патофизиолог сделала ему комплимент. Конвей дал знак Приликле, чтобы тот подлетел поближе, и не стал вмешиваться в беседу патофизиологов – профессионала и любителя.

– Не думаю, что пациент способен двигаться, – сказал Конвей цинрусскийцу. – Я даже не могу понять, жив ли он. А ты как думаешь?

Лапки Приликлы задрожали. Он явно старался подготовиться к тому, чтобы дать отрицательный ответ и не слишком огорчить таким ответом Конвея.

– Вопрос обманчиво прост, друг Конвей. Я могу сказать лишь, что пациент представляется мне не совсем мертвым.

– Но ты же способен уловить эмоциональное излучение даже тогда, когда живое существо спит или находится без сознания, – недоверчиво проговорил Конвей. – А здесь что же, вообще нет никакого излучения?

– Есть следы излучения, друг Конвей, – ответил цинрусскиец, слегка дрожа. – Но они настолько слабы, что по ним трудно делать какие бы то ни было выводы. Сознание отсутствует, а те следы излучения, которые я улавливаю, исходят, насколько я могу судить, не из области черепа, а от всего тела. С таким явлением я прежде никогда не сталкивался, поэтому даже рассуждать на эту тему не взялся бы.

– Но возьмешься, – с улыбкой заключил Конвей.

– Конечно, – ответил Приликла. – Вероятно следующее: существо пребывает в бессознательном состоянии, но в то же самое время нервные окончания в его коже постоянно стимулируются сильной болью. Возможно, именно это излучение я и регистрирую, поскольку его следы сосредоточены либо непосредственно на поверхности кожи, либо под ней.

– Но это означает, что ты регистрируешь периферическую нервную систему, а не головной мозг, – заметил Конвей. – А это необычно.

– Очень необычно, друг Конвей, – проговорил маленький эмпат. – По идее головной мозг этого существа чрезвычайно сильно пострадал. Магистральные нервные стволы либо рассечены напрочь, либо их структура весьма значительно повреждена.

«Короче говоря, – мрачно подумал Конвей, – мы скорее всего заполучили пациента, от которого кто-то попросту избавился».

2

Мерчисон и Бреннер, вооружившись стерильными дрелями из арсенала патофизиолога, занялись взятием подкожных проб. Кроме того, они собирали и помечали осколки чешуек и куски черного вещества, которым был покрыт пациент. Если быть точнее, то Мерчисон брала пробы, а лейтенант законопачивал остававшиеся после ее работы маленькие дырочки. Конвей с Приликлой вернулись на корабль, чтобы подготовить помещение для больного, руководствуясь отрывочными сведениями о нем. Нужен был пустой отсек, в котором можно было бы разместить птицеподобное существо. Этот

отсек следовало оснастить фиксирующими приспособлениями и заполнить воздухом, насыщенным кислородом. Вскоре вернулись и Бреннер с Мерчисон.

Вот тогда-то Бреннер и увидел воочию содержимое скафандра Мерчисон, а Приликла мелко задрожал.

В отсутствие тяжелого скафандра, снабженного полупрозрачной лицевой пластиной, Мерчисон являла собой такое сочетание физиологических признаков, что никто из мужских особей-землян, сотрудников госпиталя, не мог взирать на нее равнодушно. Лейтенант с трудом оторвал от нее взгляд и обратил внимание на Приликлу.

– Что-то не так, доктор? – озабоченно спросил он.

– Совсем наоборот, друг Бреннер, – подрагивая, отозвался эмпат. – Данный тип непроизвольной физической активности у представителей моего вида служит проявлением реакции на непосредственную близость источника эмоционального излучения, связанного со страстным желанием совоку…

Цинрусскиец умолк, поскольку лейтенант Бреннер густо покраснел, что было особенно заметно на фоне зеленого форменного мундира. Приликла почувствовал его смущение.

Мерчисон сочувственно улыбнулась.

– Вероятно, причиной тому я, лейтенант Бреннер. Я ощущаю весьма интенсивное удовольствие из-за того, что проведенные вами ранее исследования избавили меня от необхо-

димости четыре часа работать, не снимая этого жуткого скафандра. Не так ли, Приликла?

– Несомненно, – с готовностью откликнулся эмпат, всегда готовый соврать, лишь бы только от этого кому-то (а стало быть, и ему тоже) стало хорошо. – Э–мпатия не настолько точна, как телепатия, и ошибки такого рода возможны.

Конвей кашлянул и сказал:

– Как только мы разместим пациента, к нам прибудет О'Мара. В качестве палаты пока будет использован пустой грузовой док на сто третьем уровне. Для перемещения пациента мы воспользуемся гравилучевой установкой нашего корабля, так что если вы нужны на борту «Торранса», лейтенант…

Бреннер покачал головой:

– Капитану хотелось бы пробыть тут какое-то время, да и мне тоже – если, конечно, я никому не помешаю. Я ведь здесь впервые. А среди сотрудников еще есть… м-м-м… земляне?

«Если ты хотел спросить «такие же, как Мерчисон», – мстительно подумал Конвей, – то мой ответ: «нет».

А вслух он ответил:

– Конечно, мы с радостью примем вашу помощь, лейтенант. Но вы плохо представляете себе, куда попадете, да еще и интересуетесь землянами-сотрудниками. Как у вас насчет ксенофобии? Не чувствуете ли вы себя неловко рядом с инопланетянами?

– Да нет, не чувствую, – решительно ответил Бреннер и

добавил: – Но жениться на инопланетянке я бы, пожалуй, все-таки не решился.

Приликлу снова стало потряхивать. На фоне приятных, мелодичных трелей и пощелкиваний прозвучал перевод:

– Судя по внезапному притоку приятного эмоционального излучения, очевидной причины для возникновения которого я не вижу ни в ситуации, ни в диалоге, я делаю вывод о том, что кто-то, как говорят земляне, удачно пошутил.

На сто третьем уровне Приликла покинул коллег, чтобы совершить обход своих палат, а остальные наблюдали за тем, как гигантское птицеподобное существо размещают в грузовом доке. Глядя на заведенные назад, частично сложенные крылья, опущенную голову и вытянутую шею, Конвей припомнил одну из разновидностей древних космических челноков. Разум тут же принялся подбрасывать ему фантастические гипотезы. В итоге он вынужден был напомнить себе о том, что в космосе птицы не летают.

Пациента зафиксировали в неподвижном положении при искусственной силе притяжения, равной одному g, и потом еще три часа Мерчисон, Конвей и Бреннер занимались сбором недостающих проб и делали рентгеновские снимки. Работа получилась долгой отчасти из-за того, что трудиться пришлось в скафандрах. Мерчисон решила, что лучше проработать еще несколько часов в безвоздушном пространстве ради того, чтобы затем поместить пациента в атмосферу, благоприятную по всем параметрам. В противном случае, по

ее мнению, им пришлось бы наблюдать за процессом разложения.

Между тем объем сведений о пациенте с каждой минутой возрастал, а результаты тестов, которые выводились на монитор и передавались из Отделения Патофизиологии, с одной стороны, были безумно интересными, но с другой – совершенно обескураживающими. Конвей напрочь утратил чувство времени. Но вот коммуникатор издал призывный звон, и на врачей воззрился по обыкновению суровый О'Мара.

– Конвей, вы просили меня зайти сюда семь с половиной минут назад, – сообщил Главный психолог. – Как я понимаю, вы как раз собирались меня встретить.

– Прошу прощения, сэр, – ответил Конвей. – Предварительное обследование несколько затянулось, а мне бы хотелось располагать чем-то конкретным, чтобы отчитаться перед вами.

Послышался шелестящий звук – это О'Мара выдохнул через нос. Определить что-либо по выражению лица Главного психолога можно было бы с тем же успехом, как по выражению глыбы базальта, которую в известной степени лицо О'Мары и напоминало. Однако за глазами, сверлившими Конвея, скрывался ум тончайшего аналитика. Некоторые всерьез считали О'Мару телепатом.

Будучи Главным психологом многовидового госпиталя, он отвечал за психическую устойчивость штата сотрудников,

состоящего из шестидесяти с гаком видов. Ранг майора Корпуса Мониторов не являлся слишком высоким, но в действительности власть О'Мары в госпитале была поистине неограниченной. Для О'Мары и сотрудники были пациентами, а часть его работы заключалась в том, чтобы назначать конкретным пациентам конкретных врачей, будь то землян или инопланетян.

Невзирая даже на высочайший уровень взаимной терпимости и уважения друг к другу, могли возникнуть потенциально опасные ситуации исключительно за счет неведения или недопонимания. У кого-то из сотрудников ксенофобия могла развиться до такой степени, что это стало бы сказываться на его профессиональной компетентности или психической стабильности либо и на том, и на другом сразу. К примеру, доктор-землянин, плохо переносивший пауков, вряд ли смог бы оказать качественную медицинскую помощь цинрусскийцу. Ну а если кто-то типа Приликлы стал бы лечить пациента-землянина с арахнофобией…

Большая часть работы О'Мары была посвящена обнаружению и искоренению подобных явлений у сотрудников, а его подчиненные следили за тем, чтобы такие проблемы не возникали у пациентов. Однако сам О'Мара говаривал, что высокая психическая стабильность персонала обусловлена тем, что врачи просто-напросто слишком боятся его и потому не позволяют себе сойти с ума.

О'Мара желчно проговорил:

– Доктор Конвей, я готов признать, что данный пациент необычен даже по вашим критериям, но вы наверняка уже успели выяснить кое-какие элементарные вещи насчет него самого и его состояния. Жив ли пациент? Болен он или ранен? Разумен ли он? Не тратите ли вы попусту свое драгоценное время, обследуя эту гигантскую индейку, замороженную космическим холодом?

Конвей сделал вид, что насмешки не расслышал, и постарался ответить на все вопросы:

– Пациент жив, но его жизнь едва теплится. Судя по всему, он болен, но истинную природу его заболевания мы пока не установили, и в то же время он перенес тяжелую травму. Мы обнаружили проникающую сквозную колотую рану, оставленную то ли крупным предметом, врезавшимся в тело пациента на большой скорости, то ли узконаправленным тепловым лучом. Рана проходит навылет от основания шеи до верхней части грудной клетки. С обеих сторон раневые отверстия покрыты либо специальным лечебным составом, либо слоем вещества, выработанного организмом пациента. Относительно того, разумно ли данное существо, могу лишь сказать, что его черепная коробка достаточно объемиста, так что такую вероятность нельзя сбрасывать со счетов. Однако имеет место полная потеря сознания, и в области головного мозга эмоциональное излучение практически не выявляется. Манипуляторные конечности, степень специализации и другие характеристики которых могли бы указать на наличие

разума, у данного пациента удалены… Не нами, – добавил Конвей, немного помолчав.

О'Мара после непродолжительной паузы проворчал:

– Понятно. Очередной из ваших обманчиво простых случаев. Наверняка вы уже заготовили обманчиво простые требования. Ну, что вам нужно? Палату? Мнемограммы? Сведения о родной планете пациента?

Конвей покачал головой:

– Вряд ли у вас найдутся мнемограммы, способные помочь в лечении пациента этого вида. Все известные нам крылатые существа обитают на планетах с невысокой силой притяжения, а у этой «пташки» мускулатура, способная выдержать около четырех g. Относительно палаты – этот док нас вполне устраивает, только придется следить за тем, как бы в воздух не попал хлор с верхнего уровня. Люки, ведущие в складские помещения, не рассчитаны на непрерывные открывания и закрывания в отличие от дверей палат, и…

– Вы сообщаете мне просто-таки потрясающие новости, – съязвил О'Мара.

– Прошу прощения, сэр, – извинился Конвей. – Я просто размышлял вслух – отчасти для того, чтобы ввести в курс дела лейтенанта Бреннера. Он ведь впервые попал в нашу психушку. А вот насчет родной планеты пациента просьба есть. Я бы хотел попросить вас обратиться к полковнику Скемптону и узнать у него, нельзя ли сделать так, чтобы «Торранс» вернулся в тот район и обследовал две ближайшие звездные

системы с точки зрения поиска существ такого же физиологического типа.

– Другими словами, – сухо резюмировал О'Мара, – перед вами стоит сложная медицинская задача и вы полагаете, что лучше всего было бы передать пациента с рук, если так можно выразиться, на руки врачу того же вида?

Конвей улыбнулся и сказал:

– Я вовсе не настаиваю на том, чтобы состоялся официальный контакт с представителями этой цивилизации. Достаточно всего лишь короткого наблюдения, взятия проб атмосферы и образцов тамошней флоры и фауны… если, конечно, с «Торранса» можно будет отправить на поверхность планеты зонд…

В это мгновение О'Мара издал непереводимый звук и прервал связь. Конвей облегченно вздохнул. Только теперь, когда пациент был обследован настолько, насколько это было возможно, он понял, как проголодался.

3

Для того чтобы добраться до столовой, предназначенной для теплокровных кислорододышащих сотрудников, нужно было преодолеть два уровня. На счастье, надевать защитные скафандры не потребовалось. И на том, и на другом уров-

не путь пролегал по хитросплетениям коридоров, запруженных ползающими, прыгающими, порхающими и лишь изредка – шагающими существами. У входа Мерчисон, Бреннера и Конвея встретил Приликла. В лапках эмпат сжимал папку с результатами срочных анализов.

Как только Мерчисон продемонстрировала Бреннеру, как усесться на кельгианский стул и не свалиться с него и при этом еще и дотянуться до еды, Конвей принялся жадно перелистывать отчеты. По крайней мере на какое-то время Бреннер отвлекся от красотки патофизиолога. Лейтенант не спускал глаз с Приликлы, вздернув брови так высоко, что они почти скрылись под волосами, падавшими на лоб.

– Цинрусскийцы предпочитают есть, порхая – они говорят, что это способствует лучшему усвоению пищи, – пояснила Мерчисон и добавила: – Вдобавок, помахивая крылышками, Приликла охлаждает суп.

Все время, пока люди поглощали пищу и читали отчеты, передавая их друг другу, Приликла порхал, зависнув над столом. Наконец Конвей, насытившись, обратился к цинрусскийцу.

– Вот уж не знаю, как тебе это удалось, – тепло проговорил он. – Когда мне нужны срочные анализы у Торннастора, он нисходит только до того, что продвигает меня в очереди на два места вперед, не более.

Услышав комплимент, Приликла в ответ затрепетал от удовольствия и проговорил:

– Дело в том, что я, не кривя душой, утверждал, что наш пациент на грани смерти.

– Однако, – сухо заметила Мерчисон, – нельзя сказать, чтобы он находился в этом состоянии долгое время.

– Вы в этом уверены? – осведомился Конвей.

– Теперь – да, – совершенно серьезно отозвалась Мерчисон, постучав кончиком пальца по страничке с отчетом. – Судя по всему, большая проникающая рана возникла вследствие столкновения с метеоритом через какое-то время после того, как наш пациент заболел. До того чешуи и покровное вещество сохраняли целостность. Затем покровное вещество растеклось и надежно закрыло рану.

Кроме того, – продолжала она, – проведенные нами исследования показывают, что это существо было подвергнуто не только гипотермии, но и анабиозу с помощью множественных микроинъекций определенного химического вещества. В некотором роде можно говорить о том, что перед нами существо, которое забальзамировали в предсмертном состоянии ради того, чтобы продлить его жизнь.

– А как насчет отсутствующих лап и когтей? – спросил Конвей. – И что вы скажете насчет того, что участки позади крыльев имеют явные признаки обугливания? Чем объясните наличие чешуек другого типа в этих участках?

– Вероятно, – отвечала Мерчисон, – болезнь первоначально поразила лапы или когти существа. Может быть, это произошло во время процесса, у этих существ эквивалентно-

го гнездованию. Удаление конечностей и признаки обугливания могут говорить о ранних неуспешных попытках излечить заболевание. Позвольте напомнить вам о том, что покровный слой был наложен только после того, как из кишечника пациента были удалены практически все органические шлаки. А эту процедуру стандартно осуществляют перед наркозом, анестезией или полостными операциями.

Наступившую паузу нарушил лейтенант Бреннер.

– Простите, – сказал он. – Я что-то совсем запутался. Это заболевание или злокачественный опухолевой процесс… Нам что-то конкретное известно о нем?

Мерчисон приступила к объяснениям. На ее взгляд, главными внешними признаками заболевания являлись чешуеподобные разрастания, которыми кожа пациента была покрыта наподобие кольчуги. Можно было спорить о том, представляли ли собой чешуйки поверхностное кожное заболевание в виде укоренившихся чешуек или, наоборот, подкожную патологию, сопровождавшуюся чешуеподобной сыпью. Как бы то ни было, от каждой чешуи в глубь кожи уходили тонкие корешки. Корешки пронизывали не только эпидермис и нижележащие мышцы, но практически все жизненно важные органы и центральную нервную систему. Эти корешки имели явные признаки истощения. Судя по состоянию ткани непосредственно под чешуйками, данное заболевание было изнурительным для пациента и зашло слишком далеко.

– Похоже, – вздохнул Бреннер, – мне следовало обратиться к вам раньше. А пациента, судя по всему, «закупорили» как раз перед тем, как он должен был умереть.

Конвей кивнул.

– Но все не так безнадежно, – сказал он. – Некоторые из наших медиков-инопланетян сильны в микрохирургии, и это позволит им удалить из организма пациента корешки – даже те из них, что сплелись с пучками нервных волокон. Процедура эта, однако, медленная, и есть опасность того, что, как только мы оживим нашего пациента, и сама болезнь тоже оживится и процесс ее возобновления сможет обогнать микрохирургов. Думаю, ответ в том, чтобы прежде, чем что-либо предпринимать, мы как можно больше узнали о самой болезни.

Когда врачи вернулись к пациенту, оказалось, что для Конвея есть сообщение от О'Мары. В сообщении говорилось о том, что «Торранс» только что стартовал и его капитан обещал прислать предварительные отчеты об обследовании двух звездных систем, расположенных неподалеку от места обнаружения пациента, в течение трех дней. За это время Конвей надеялся разработать процедуры, которые позволили бы удалить чешуйки и черное вещество, покрывавшие пациента, остановить процесс болезни и приступить к лечебной хирургии. Сведения о родной планете пациента, как он полагал, его могли интересовать только с точки зрения обустройства помещения с адекватными атмосферными пара-

метрами.

Однако за три дня медики особого прогресса не достигли.

Черное вещество, которым были покрыты и чешуйки, и кожа между ними, можно было удалить только путем сверления и откалывания. Процесс этот оказался чрезвычайно долгим и трудоемким. Так можно было бы пытаться ощипать дичь, стараясь при этом не сделать ей больно. А эта «дичь» была пятидесяти футов в длину, с размахом крыльев (если их развернуть) до восьмидесяти футов. Когда Конвей стал настаивать на том, чтобы в отделении патофизиологии разработали более быстрый метод «раздевания» пациента, ему ответили, что покрытие представляет собой сложный органический комплекс и что растворить его можно было бы с помощью особого вещества, которое уже в принципе подобрано. Однако, как утверждали патофизиологи, при химической реакции между этим веществом и покровным слоем должны будут выделиться токсические газы, вредные не только для пациента, но и для лечащих врачей. Кроме того, согласно расчетам патофизиологов, при воздействии химиката чешуйки должны были раствориться полностью и мгновенно, что должно было пагубно сказаться на состоянии кожных покровов пациента и нижележащих тканей. В итоге было продолжено сверление и откалывание куска за куском.

Мерчисон, постоянно бравшая пробы тканей с участков кожи, пронизанных корешками, снабжала Конвея результатами своих наблюдений. Увы, толку от этого было немного.

– Я вовсе не предлагаю вам отказаться от этого пациента, – сочувственно проговорила она. – Но советую вам хорошенько задуматься. Помимо колоссальной потери тканей, имеет место структурное повреждение мускулатуры крыльев, и, на мой взгляд, это повреждение пациент мог нанести себе самостоятельно. Кроме того, у меня есть сильное подозрение, что у пациента имел место инфаркт. А это означает, что потребуются крупномасштабные хирургические вмешательства и…

– Насчет этого повреждения мышц и сердца, – резко прервал ее Конвей. – Не могли ли они быть вызваны попыткой пациента вырваться из оболочки?

– Это возможно, но маловероятно, – ответила Мерчисон таким тоном, что Конвей тут же вспомнил, что разговаривает не с младшим интерном и что их теперешние взаимоотношения могут закончиться в любое мгновение. – Оболочка прочна, но при том довольно-таки тонка. К тому же угол подъема крыльев пациента достаточно значителен. Я бы рискнула предположить, что и повреждение крыльев, и разрыв сердечной мышцы у пациента произошли до того, как образовалась оболочка.

– Прошу прощения, если… – начал было Конвей.

– Кроме того, есть еще тот факт, – холодно продолжала Мерчисон, – что чешуйки наиболее плотно покрывают голову пациента и позвоночник. Даже если мы используем самую совершенную методику регенерации мышечных и нервных

тканей и с технической точки зрения оживим пациента, он вряд ли сумеет думать и двигаться.

– Я и не предполагал, – мрачно произнес Конвей, – что все настолько серьезно. Но все-таки должно быть что-то такое, что мы могли бы сделать… – он вымученно улыбнулся, – хотя бы ради того, чтобы Бреннер сохранил мнение о том, что в Главном Госпитале Сектора трудятся волшебники.

Бреннер смотрел то на Конвея, то на Мерчисон и гадал, видимо, что означает этот разговор – то ли беседу двоих профессионалов, то ли начало своеобразной семейной сцены. Но лейтенант был не только наблюдателен. Он был тактичен. И потому он сказал:

– Что до меня, то я бы уже давным-давно сдался.

Никто не успел ему ответить, поскольку послышался сигнал коммуникатора и на экране появилось изображение шефа Отделения Патофизиологии Торннастора.

– Мое отделение, – сообщил тралтан, – потратило немало усилий на разработку метода удаления оболочки с вашего пациента химическим путем. Однако эти усилия оказались тщетны. Между тем вещество неплохо разлагается под воздействием высокой температуры. Поверхность вещества при тепловой обработке трескается. Затем зольный остаток можно сдувать и вновь обрабатывать поверхность нагревом. Этот процесс можно безболезненно продолжать до тех пор, пока покровный слой не станет совсем тонким, после чего его можно будет снимать большими кусками без вреда для

пациента.

Конвей выяснил у Торннастора оптимальные параметры температуры и толщины обрабатываемой поверхности, после чего связался по коммуникатору с эксплуатационным отделом и попросил прислать техников с паяльными лампами. Он не забыл о предупреждениях Мерчисон, о ее сомнениях относительно целесообразности лечения пациента, но считал, что попытаться обязан. Он решил не думать о том, что эта гигантская птица может превратиться в крылатый овощ – не думать до тех пор, пока не будет сделано все возможное для ее лечения.

В целях предосторожности тепловую обработку начали с хвоста, где жизненно важные органы залегали глубже и где целостность оболочки уже была нарушена – вероятно, постарались другие медики.

Только после получасовой непрерывной обработки хвоста птицы наконец забрезжила надежда на удачу. Медики обнаружили чешуйку, которая была погружена в тело пациента «вверх тормашками». Снизу торчал пучок корешков, тянувшихся к другим чешуйкам, но некоторые корешки перевалились через край и впились в тело птицы. Поверхностная сеть корешков была отчетливо видна. Пламя паяльной лампы превратило ее в тонкую, безжизненную паутину. Один из корешков, прежде чем окончательно сгореть и отвалиться, указал на более крупную чешуйку несколько иной формы.

Врачи терпеливо следили за тем, как техники обрабатыва-

ют обе чешуйки и их непосредственное окружение паяльными лампами и слой за слоем снимают черное покрытие. Наконец на коже остался слой покрытия не толще вафли. Техники и врачи аккуратно расслоили черное покрытие, осторожно сняли его вместе с двумя превосходными образцами чешуек.

– Они мертвы? – спросил Конвей. – Они не просто дремлют?

– Они мертвы, – подтвердил Приликла.

– А пациент?

– Жизнь еще теплится в нем, друг Конвей, но излучение очень слабое и разрозненное.

Конвей внимательно осмотрел участки, образовавшиеся после удаления двух чешуек. Под первой имелась небольшая, но глубокая вмятина, по очертаниям соответствующая перевернутой чешуйке. Нижележащие ткани были сильно сдавлены, немногочисленные корешки были слишком слабы и тонки, чтобы с такой силой прижать чешуйку к телу пациента. Кто-то явно с большим старанием сделал это извне.

Вторая чешуйка оказалась совсем иной. Ее, судя по всему, держал на коже пациента только слой покрытия, и корешков у нее не имелось. Но зато… у нее имелись крылья, сложенные вдоль длинных углублений в панцире. При ближайшем рассмотрении крылья были обнаружены и у первой чешуйки.

Приликла запорхал рядом со странными находками, бес-

порядочно подрагивая. Его состояние говорило о сильном волнении.

– Ты можешь заметить, – проговорил Приликла, – друг Конвей, что перед нами – два совершенно разных существа. Оба представляют собой крупных крылатых насекомых такого типа, который мог образоваться только на планете с высокой силой притяжения и плотной атмосферой – то есть примерно в той среде, что характерна для Цинрусса. Вероятно, насекомое первого типа является хищным паразитом, а второе – естественным врагом этого паразита, внедренным в тело пациента в целях его излечения.

Конвей кивнул:

– Этим может объясняться тот факт, почему насекомое первого типа перевернулось на спину, когда к нему приблизилось насекомое второго типа.

– Надеюсь, – вмешалась в разговор Мерчисон, – что ваша гипотеза отличается достаточной гибкостью для того, чтобы вместить и другие сведения. – Она старательно царапала участок покрытия, прилипшего к еще одной, более узкой щели в чешуйке. – Вещество покрытия не нанесено кем-то третьим. Это природные выделения насекомых первого типа.

И если вы не возражаете, – добавила она, – я заберу обеих этих зверюг в Отделение Патофизиологии, где мы за ними хорошенько понаблюдаем.

Еще несколько минут после того, как Мерчисон ушла, в доке царило безмолвие. Приликла снова задрожал. Судя по

выражению лица Бреннера, дрожь эмпата отражала эмоции лейтенанта. Он и нарушил образовавшуюся паузу.

– Если покрытие создано паразитами, – кривясь, проговорил Бреннер, – следовательно, ни о каких предыдущих попытках лечить пациента не может быть и речи. Вероятно, на нашего пациента напали эти летающие «чешуи», запустили в его тело корни, парализовали его мышцы и нервную систему и заключили его в… в плотную оболочку, в которой начали развиваться личинки… а в это время птица еще была жива…

– Постарайтесь рассуждать более абстрактно, лейтенант, – поспешно проговорил Конвей. – Вы огорчаете Приликлу. Что-то подобное действительно могло произойти, и все же кое-какие упрямые факты в эту картину не укладываются. Мне, к примеру, не дает покоя вмятина под перевернутой чешуйкой.

– Да, может быть, птица просто-напросто села и придавила одного из этих паразитов, – сердито отозвался Бреннер. Чувство отвращения возобладало в нем над тактичностью. – Теперь я понимаю, почему птицу выбросили. С ней уже ничего нельзя было поделать. – Он растерялся и чуть погодя добавил: – Простите меня, доктор. А вы-то можете сделать хоть что-то?

– Кое-что, – угрюмо отозвался Конвей, – можно попробовать.

4

Судя по заверениям Приликлы, пациент был жив. Едва-едва, но все же жив. Теперь, когда стало ясно, что чешуйки – это панцири паразитирующих животных, а не просто поверхностные дефекты кожи, следовало приступить к их скорейшему удалению. Уничтожение корешков могло потребовать более тонкой и длительной работы, а поверхность тела пациента можно было обработать теплом. Оставалась надежда на то, что после удаления паразитов с поверхности тела пациент мог оправиться настолько, что поучаствовал бы в собственном спасении. Сотрудники Отделения Патофизиологии уже предложили ряд методов для реанимации пациента.

Конвею требовалось не менее пятидесяти паяльных ламп, которые работали бы одновременно с мощными пылесосами. Процесс выжигания паразитов было решено начать с головы, затем перейти к шее, груди и крыльям, дабы освободить от паразитарной инфекции головной мозг, сердце и легкие пациента. Если бы сердце пациента оказалось действительно мертво, потребовалось бы шунтирование. Мерчисон уже составила схему артериально-венозной сети в области сердца. Врачи облачились в тяжелые скафандры на тот случай, если бы пациент, придя в себя, принялся дергаться или

бить крыльями.

Но более всех в защите нуждался Приликла, который должен был следить за эмоциональным излучением пациента в ходе операции. Пациента планировалось обездвижить с помощью фиксирующих гравилучей. Если бы потребовалось немедленное хирургическое вмешательство, пришлось бы срочно снимать скафандры. Коммуникатор решили перевезти в соседнее помещение во избежание его повреждения. На соседних уровнях была объявлена боевая готовность.

Отдавая соответствующие распоряжения, Конвей передвигался стремительно, но неторопливо, а разговаривал спокойно и уверенно. Но все время его не покидало навязчивое ощущение. Ему казалось, что он все говорит, делает и, самое главное, думает неправильно.

О'Мара не одобрил предложенный Конвеем план лечения, но, осведомившись только раз о том, каковы, собственно, намерения хирурга – поджарить пациента или вылечить, более не вмешивался. Лишь сказал, что сообщений с «Торранса» пока не поступало.

Наконец все было готово. Техники с паяльными лампами и пылесосами выстроились по кругу около пациента в области головы, шеи и крыльев. За этой «линией оцепления» ожидали своей очереди лаборанты и медики-инженеры с канистрами стимуляторов, аппаратом искусственного дыхания и кровообращения и целым арсеналом блестящих стерильных инструментов. Люки, ведущие в соседние помещения,

были приоткрыты – на тот случай, если бы пациент пришел в себя слишком резко и всем пришлось бы спасаться бегством. Больше ждать причин не было.

Конвей дал знак приступать к работе, а буквально в следующую секунду зазвенел его личный коммуникатор и на экране появилось лицо Мерчисон. Она была растрепана и ужасно сердита.

– Тут кое-что произошло. Был взрыв, – сообщила она. – Наш драгоценный образец второго типа пролетел по лаборатории, сломал кое-какое лабораторное оборудование и до смерти напугал…

– Но он же был мертв! – возразил Конвей. – Приликла утверждал, что обе эти твари мертвы!

– Они и есть мертвы, – сказала Мерчисон. – Я не совсем правильно выразилась. Он не в прямом смысле летал – он отлетел от нас. Какова механика этого процесса, я пока точно сказать не могу, но скорее всего эта зверушка производит в своем пищеварительном тракте газы, которые затем реагируют друг с другом и производят взрыв и толкают это насекомое вперед. Пользуясь этим вкупе с крыльями, оно, вероятно, способно спасаться от быстро передвигающихся естественных врагов типа паразитов первого типа. Вероятно, в тот момент, когда я приступила к работе, газы еще имелись в кишечнике у насекомого.

Существует подобное насекомое, намного меньше этого, – продолжала Мерчисон, – которое обитает на Земле. Во вре-

мя подготовки к курсу физиологии инопланетных форм жизни мы изучали наиболее экзотических представителей земной фауны. Так вот, эти насекомые называются жуками-бомбардирами, и они…

– Доктор Конвей!!!

Конвей отвернулся от экрана и вбежал в помещение дока. Не надо было становиться эмпатом для того, чтобы понять, что здесь что-то очень и очень не так.

Руководитель бригады эксплуатационников отчаянно размахивал руками. Приликла, заключенный в прозрачный защитный шарик, к которому был присоединен антигравитационный аппарат, порхал над головой бригадира и сильно дрожал.

– Сознание возвращается, друг Конвей, – сообщил эмпат. – Имеют место чувство страха и смятения.

«Смятение, – подумал Конвей, – отчасти принадлежит мне».

Но бригадир эксплуатационщиков только молча указывал на пациента.

По полу медленно растекались маслянистые лужи. Прямо на глазах у Конвея черная жижа потекла из-под одной из чешуек, а сама чешуйка задергалась и развернула крылья. Крылья задвигались – поначалу медленно, затем быстрее… и насекомое начало отделяться от пациента. Вот из мышц выдернулись длинные корешки, и огромное насекомое взмыло в воздух.

– Выключить паяльные лампы, – поспешно распорядился Конвей. – Охлаждайте пациента воздухом из шлангов. Постарайтесь добиться того, чтобы эта черная гадость затвердела.

Но густая черная жидкость затвердевать не желала. Процесс ее разжижения, начавшийся под действием тепла, оказался необратимым. Шея гигантской птицы, которую более не поддерживало плотное покрытие, безжизненно повисла и легла на пол. Обмякли и поникли крылья. Черная лужа вокруг пациента растекалась все шире. Все новые и новые насекомые обретали свободу и разлетались по доку, размахивая широкими крыльями и волоча за собой пучки белых корешков, напоминавших плюмажи.

– Всем назад! В укрытие! Скорее!

Пациент лежал неподвижно. Судя по всему, теперь он уж точно был почти мертв, но Конвей ничего не мог поделать. А техники из эксплуатационного отдела были беззащитны против зловредных корешков, как и лаборанты и прочие медики. Только Приликле ничто не грозило, поскольку он находился внутри непроницаемого пластикового пузыря. В воздухе мельтешило уже не менее сотни крылатых тварей. Конвей понимал: по идее ему следует проникнуться жутким сочувствием к пациенту, но он почему-то никак не проникался. Что же это с ним такое творилось? Запоздалая реакция? Или у всего происходящего была какая-то иная причина?

– Друг Конвей, – проговорил Приликла, осторожно при-

коснувшись к плечу Конвея краем своей защитной оболочки, – я бы рекомендовал тебе последовать собственному совету.

Мысль о том, как тоненькие щупальца летающего паразита охватывают его одежду, пробираются к коже, проникают в мышцы, парализуют их и крадутся к мозгу, заставила Конвея опрометью броситься в соседнее помещение. За ним поспешили Бреннер и Приликла. Лейтенант проворно задраил люк.

Увы, сюда же успело залететь гигантское насекомое.

На долю секунды разум Конвея. заработал наподобие камеры. Он регистрировал все и всех, что в эти мгновения находилось в доке: лицо О'Мары на экране коммуникатора, по обыкновению непроницаемое, – лишь во взгляде тревога, Приликлу, безумно дрожащего внутри защитной оболочки, насекомое, порхающее под потолком, и его развевающиеся во все стороны белые щупальца, Бреннера, старательно прищуривающегося и целящегося в насекомое из пистолета, стреляющего разрывными пулями.

Что-то было не так.

– Не стреляйте, – сказал Конвей негромко, но решительно и тут же спросил: – Вам страшно, лейтенант?

– Вообще-то я этой штуковиной ни разу не пользовался, – озадаченно признался Бреннер, – но знаю, как это делать. Нет, мне не страшно.

– А мне не страшно, потому что у вас есть эта штукови-

на, – сказал Конвей. – Приликла защищен, ему бояться нечего. Так кому же здесь… – он указал на бешено дрожащие лапки эмпата, – страшно?

– Ему, друг Конвей, – ответил Приликла и указал на насекомое. – Ему страшно, оно смущено, им владеет сильное любопытство.

Конвей кивнул и заметил, что испытанное им облегчение положительно сказалось на самочувствии Приликлы. Он распорядился:

– Выгони-ка его наружу, Приликла, как только лейтенант откроет люк, – так, на всякий случай. Но тактично.

Как только насекомое было выдворено, с экрана коммуникатора послышался грозный голос О'Мары:

– Что вы там, проклятие, творите?

Конвей попытался найти простой ответ на этот, с виду простой вопрос. Он сказал:

– Пожалуй, можно было бы сказать, что я чуть преждевременно инициировал процедуру репатриации…

Сообщение с борта «Торранса» поступило как раз перед тем, как Конвей переступил порог кабинета О'Мары. В отчете говорилось о том, что в одной из двух звездных систем обнаружена планета с невысокой силой притяжения. Она оказалась обитаема, но признаков наличия высокоразвитой цивилизации на ней обнаружено не было. В другой же звездной системе имелась крупная планета, отличавшаяся высо-

кой скоростью вращения вокруг собственной оси. За счет этого планета стала настолько уплощенной с полюсов, что по форме напоминала две поставленные друг на друга краями суповые миски. На этой планете атмосфера была плотная, и слой ее был велик. Сила притяжения колебалась от трех g на полюсах до одной четвертой g в области экватора. Металлов на поверхности этой планеты не обнаруживалось. Не так давно – по астрономическим понятиям – планета, двигаясь по спирали, подлетела слишком близко к тамошнему солнцу, и ее атмосфера стала непрозрачной за счет вспыхнувшей вулканической активности и образования паров. Наблюдатели с «Торранса» сильно сомневались в том. что там есть жизнь.

– Это подтверждает мою гипотезу, – взволнованно проговорил Конвей, когда О'Мара показал ему отчет. – Птица и оба типа насекомых родом с одной и той же планеты. Первые насекомые – паразиты, и каждое из них по отдельности не слишком разумно, но, объединяясь, эти насекомые приобретают коллективный разум. Вероятно, эти насекомые узнали о том, что их планете грозит гибель, и решили бежать. Но вы только представьте себе, что это значит: обрести возможность совершить космический полет при полном отсутствии металлов…

Каким-то образом эти насекомые научились ловить гигантских птиц, обитавших вблизи полюсов, и сумели подчинить их себе, парализуя птиц своими щупальцами. Сами по себе насекомые были слабы, и их надежда на спасение была

только в том, чтобы подчинять себе неразумных животных. Конвей теперь точно знал, что гигантские птицы неразумны, так же как и другие жуки – без щупальцев. Итак, разумные насекомые завладели птицами и заставили их взлететь высоко над экватором, набрать нужную высоту и скорость, чтобы затем произошла последняя стадия разгона – с помощью жуков. Жуками также управляли разумные насекомые – их, пожалуй, приходилось штук по пятьдесят на каждого паразита, и они были размещены за крыльями птицы в виде гигантского узкого конуса.

Птица затем была парализована, и ей была искусственно придана форма сверхзвукового лайнера. Когти были удалены в целях достижения лучших аэродинамических показателей. В тело птицы были впрыснуты вещества, препятствующие процессу разложения. Затем команда «запечаталась» и погрузилась в анабиоз вплоть до окончания перелета. Жизнеобеспечение поддерживалось за счет поедания тканей тела птицы.

На определенной высоте реактивный конус, составленный из миллионов насекомых, среди которых находились сотни тысяч разумных паразитов, начал выстреливать – осторожно, дабы не разрушить верхушку конуса в том месте, где он крепился к телу птицы. Жуков можно было заставить производить эквивалент работы реактивного двигателя независимо от того, живы они были или мертвы. Те же паразиты, что управляли «двигателями», вскоре погибли, несмотря на то

что спрятались под плотной оболочкой. Но, погибнув, они помогли органическому кораблю, несущему несколько сотен их сородичей, набрать скорость убегания и покинуть обреченную планету и ее солнце.

– Не могу понять, каким образом они собирались использовать птицу для посадки на другой планете, – не скрывая восхищения, проговорил Конвей, – но, видимо, в процессе трения при прохождении через атмосферу должен был начаться процесс таяния оболочки, после чего жуки-паразиты могли отделиться от птицы и долететь до поверхности планеты самостоятельно. В попытке поскорее избавить птицу от покрытия, я применил тепловую обработку на большом участке, тем самым стимулировал начало процедуры высадки…

– Да, да, – язвительно проговорил О'Мара. – Мастерское упражнение в медицинской дедукции и чистое везение, чтоб вам было пусто! Ну а теперь, я так понимаю, вы попросите меня прибрать после вас, покуда вы будете разрабатывать метод общения с этими зверюгами и организовывать их переправку к первоначальному месту назначения. Или, быть может, у вас что-то еще на уме?

Конвей кивнул:

– Бреннер сказал мне, что флотилия поисковых кораблей, в которую входит «Торранс», могла бы провести крупномасштабную разведку на участке Галактики от родной планеты насекомых до предполагаемой цели их следования. Вероят-

но, есть еще такие же птицы. Их могут быть сотни…

О'Мара раскрыл рот. Казалось, сейчас он успешно выступит в роли жука-бомбардира. Конвей поспешно добавил:

– Я вовсе не хочу, чтобы их доставляли сюда, сэр. Мониторы могут доставлять их туда, куда они сами хотели попасть, а затем производить процесс разогрева на поверхности. Это позволило бы избежать жертв при прохождении через атмосферу. А потом можно было бы объяснить насекомым ситуацию.

Они ведь, если на то пошло, колонисты, – добавил Конвей, – а не пациенты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИНФЕКЦИЯ

Старший врач Конвей поерзал, устроился чуть более удобно на предмете мебели, предназначенном для удобства шестилапых крабоподобных мельфиан, и жалобно проговорил:

– Откровенно говоря, после двенадцатилетней работы в области терапии и хирургии в самой крупной в Федерации многовидовой больнице логично было бы ожидать в плане повышения по службе более престижного поста… чем водитель неотложки!

Непосредственной реакции со стороны четверых существ, вместе с Конвеем находившихся в кабинете Главного психолога, не последовало. Доктор Приликла безмолвно прилип к потолку – он предпочитал размещаться там, когда в компании находились существа, превышающие его массой тела. На иллесианской скамейке разместились хорошенькая патофизиолог Мерчисон и покрытая серебристой шерстью, похожая на большую гусеницу старшая медсестра по имени Нэйдрад. Они тоже молчали. Тишину нарушил майор Флетчер, которому, как новичку в госпитале, уступили единственный нормальный стул.

Он без тени юмора проговорил:

– Водить вам никто не позволит, доктор.

Можно было не сомневаться в том, что майор Флетчер жутко гордится своими новыми нашивками, говорящими о том, что он назначен командиром нового корабля. Судя по всему, корабль он уже считал своим и потому беспокоился о его целости и сохранности. Конвею вспомнилось, что примерно так же он относился к своему первому карманному сканеру.

– Ну вот, даже до должности водителя неотложки вы не дослужились! – рассмеялась Мерчисон.

Нэйдрад вступила в разговор и издала целую серию стонов и посвистов, которые были переведены транслятором так:

– Неужели, доктор, вы ожидаете какой-то логики в подобном учреждении?

Конвей ей не ответил. Он думал о том, что о его постоянной приписке к кораблю-неотложке уже несколько дней на все лады заливалась больничная служба сплетен.

Доктор Приликла, державшийся присосками за потолок, мелко задрожал в ответ на всплеск эмоционального излучения, и Конвей постарался совладать со своими чувствами смущения и разочарования.

– Прошу тебя, друг Конвей, не переживай так сильно, – посоветовал хирургу эмпат. Мелодичные трели и пощелкивания цинрусскийского говора слышались на фоне переводимой фразы. – О новом назначении нам пока официально

не объявили. Вероятно, ты будешь приятно удивлен.

Конвей отлично знал о том, что Приликла готов прибегнуть ко лжи во спасение, если это позволяет улучшить эмоциональную атмосферу. Но вряд ли бы эмпат стал прибегать к этому приему, если бы знал, что через несколько минут ощутит еще более сильную злость или разочарование.

– Почему вы так думаете, доктор? – поинтересовался Конвей. – Вы употребили слово «вероятно», а не «возможно». Быть может, вы располагаете какими-то более точными сведениями?

– Совершенно верно, друг Конвей, – ответил цинрусскиец. – Я заметил источник эмоционального излучения, который несколько минут назад появился в приемной. Этим источником, вне всякого сомнения, является Главный психолог. Картина эмоций отражает целеустремленность и легкую озабоченность на фоне авторитета и ответственности. Я не улавливаю чувств, которые должны были бы иметь место, если бы субъект планировал сообщить кому-то неприятные новости. В данный момент майор О'Мара разговаривает со своим заместителем, который также не имеет понятия относительно каких-либо грядущих неприятностей.

Конвей улыбнулся и сказал:

– Спасибо, коллега. Мне стало намного легче.

– Знаю, – отозвался Приликла.

– А мне кажется, – проворчала Нэйдрад, – что подобное обсуждение чувств существа по имени О'Мара противоре-

чит канону врачебной этики. Эмоциональное излучение – это информация приватного характера, и ее не следует разглашать.

– Вероятно, вы случайно прошли мимо того факта, – возразил Приликла, старательно подбирая слова, дабы не сказать Нэйдрад напрямую: «вы не правы», – что существо, об эмоциональном излучении которого идет речь, не является пациентом, друг Нэйдрад, и что существом, которое в данной ситуации более кого бы то ни было напоминает пациента, является друг Конвей. Он озабочен своим будущим и нуждается в эмоциональной поддержке, которую я ему и оказал в форме сообщения об эмоциональном излучении существа, пациентом не являющегося…

Серебристая шерсть Нэйдрад вздыбилась иголочками, подернулась рябью. Это было прямым указанием на то, что Старшая сестра собирается дать Приликле отповедь. Но в это мгновение из приемной в кабинет вошло «существо, не являвшееся пациентом», и разгоревшийся этический диспут прервался.

О'Мара приветствовал всех по очереди короткими кивками и сел на второй из двух «человеческих» стульев в кабинете – его собственный стул.

В обычной своей желчной манере он проговорил:

– Прежде чем я сообщу вам о том, почему я попросил именно вас четверых сопровождать майора Флетчера, и прежде чем я расскажу вам о подробностях вашего нового

задания, с которым вы уже наверняка в общих чертах знакомы, я буду вынужден познакомить вас с кое-какими общими сведениями, не имеющими отношения к медицине.

Проблема ознакомления с подобными сведениями сотрудников вашего уровня, – продолжал О'Мара, – состоит в том, что я лишен возможности делать скидки на ваше невежество относительно всего, что лежит за рамками вашей специальности. Если что-то покажется вам слишком элементарным, можете отвлекаться и думать о другом – до тех пор, пока я вас на этом не поймаю.

– Считайте, что вы безраздельно владеете нашим вниманием, друг О'Мара, – заверил психолога Приликла, который, естественно, знал, что это так и есть.

– Временно, – буркнула Нэйдрад.

– Старшая сестра Нэйдрад! – взорвался майор Флетчер. Его щеки казались особенно красными на фоне зеленого мундира. – Вы выказываете неуважение к старшему по званию! Подобное оскорбительное поведение на вверенном мне корабле будет непозволительно, и я не стану мири…

О'Мара предупреждающе поднял руку и сухо сказал:

– Я не обиделся, майор, и вам обижаться не стоит. До сих пор на протяжении вашей военной карьеры вам не доводилось близко общаться с неземлянами, и потому ваша ошибка объяснима. Вряд ли вы будете ошибаться в дальнейшем, когда научитесь понимать образ мышления и поведение существ, которые будут работать рядом с вами в рамках дан-

ного проекта.

Старшая медицинская сестра Нэйдрад, – продолжал О'Мара в манере, которую для него можно было счесть изысканно вежливой, – является кельгианкой, гусеницеподобным существом, характерной чертой которого служит покров в виде серебристо-серой шерсти. Вероятно, вы уже заметили, что шерсть Нэйдрад пребывает в постоянном движении, словно шевелится под порывами сильного ветра. Это непроизвольные движения, возникающие в ответ на эмоциональные реакции, вызванные внешними стимулами. Эволюционные причины этого механизма пока не изучены досконально даже самими кельгианами, однако существует общепринятая точка зрения: эмоционально-выразительная шерсть компенсирует безэмоциональность речи кельгиан. Однако нам следует осознавать тот факт, что по движениям шерсти один кельгианин способен точно понять, какие чувства испытывает другой кельгианин к тому, о чем идет речь. В итоге кельгиане всегда говорят только то, что думают, поскольку полагают, что это очевидно – по крайней мере для других кельгиан. И по-другому они просто не могут. В отличие от доктора Приликлы, который всегда тактичен и порой редактирует суровую правду, дабы сделать ее более удобоваримой, Старшая сестра Нэйдрад всегда говорит и будет говорить правду, невзирая на все ранги и чины. И скоро вы к этому привыкнете, майор.

Между тем я вовсе не собирался читать вам лекцию о

кельгианах, – заметил О'Мара. – А собирался я вкратце рассказать вам о системе, которая ныне бытует под названием «Галактическая Федерация»…

На проекционном экране за спиной у О'Мары вдруг возникла трехмерная модель двойной спирали Галактики с ее главными звездными системами. Край соседней галактики был продемонстрирован с нарушением масштаба. Затем ближе к наружному краю спирали появилась ярко-желтая светящаяся полоска, потом – еще одна и одна. Это были линии, соединяющие Землю с первыми колониями, основанными землянами, а также со звездными системами Нидия и Орлигия – первыми инопланетными цивилизациями, с которыми у землян состоялись контакты. Затем появился еще один пучок желтых линий – связи звездной системы Тралта с основанными ею колониями.

Прошло еще несколько десятилетий, прежде чем планеты, доступные для орлигиан, нидиан, тралтанов и землян, стали доступными друг для друга. В те годы существа, населявшие Галактику, относились друг к другу подозрительно. Однажды чуть было не вспыхнула война… Но на этой модели время было сжато точно так же, как расстояние.

Переплетения желтых линий разрастались, их паутина становилась все более густой по мере того, как развивались контакты и торговля с высокоразвитыми цивилизациями Кельгии, Илленсии, Худлара и Мельфы и их колониями, если таковые существовали. С визуальной точки зрения

этот процесс нельзя было назвать упорядоченным. Линии то стремительно направлялись к центру Галактики, то возвращались к краю спирали, то сновали зигзагами между зенитом и надиром. Порой светящиеся полоски вообще покидали пределы Галактики и уходили к планетам системы Иан, но на самом деле в данном случае инициатива преодоления межгалактического пространства исходила от иан. Когда наконец были вычерчены все линии соединения между собой планет Галактической Федерации, на экране возникло нечто среднее между молекулой ДНК и терновым кустом.

– Нами и прочими расами, обитающими в Галактике, – продолжал О'Мара, – пока исследована только малая ее часть. Мы пребываем в положении человека, у которого полным-полно друзей в далеких странах, но который при этом понятия не имеет о тех, кто живет на соседней улице. Это объясняется тем, что путешественники знакомятся друг с другом чаще, чем те, кто сидит дома, – особенно тогда, когда путешественники обмениваются адресами и часто наносят друг другу визиты…

Если на пути следования не имелось сильных искривлений пространства и если координаты места назначения были точно известны, через гиперпространство было так же легко отправиться на другой край Галактики, как в соседнюю звездную систему. Но для начала следовало обнаружить обитаемую звездную систему, а уж потом можно было нанести на карту ее координаты. А это было не так-то просто.

Очень, очень медленно некоторые из небольших «белых пятен» наносились на карты и исследовались, но толку от этого было немного. Крайне редко экипаж корабля-разведчика обнаруживал звезду с планетарной системой, еще реже среди этих планет оказывалась обитаемая. Ну а если какая-то из форм жизни, обитающих на этой планете, была разумна, тут уж наступало торжество. Правда, к этому торжеству всегда примешивалась тревога за судьбу галактического мира. Новость об обнаружении новых, прежде неведомых разумных существ мгновенно разносилась по Федерации, и специалисты по контактам с цивилизациями из состава Корпуса Мониторов отправлялись в экспедиции и приступали к своему нелегкому, долгому и порой опасному труду.

Специалисты по контактам с цивилизациями являлись элитой Корпуса Мониторов. Их было немного, и они были признанными экспертами в таких областях, как внеземные средства связи, философия и психология инопланетян. Но как ни мала была бригада экспертов, она, увы, не могла пожаловаться на то, что просто-таки горит на работе…

– За последние двадцать лет, – продолжал О'Мара, – процедура установления контакта с новообнаруженными цивилизациями осуществлялась трижды, и во всех случаях представители этих цивилизаций выразили желание войти в состав Галактической Федерации. Не стану утомлять вас подробностями типа того, сколько ресурсов было истрачено, чтобы это произошло. Не стану говорить о числе поисковых

вылетов, количестве кораблей, численности их экипажей, затратах материалов и тому подобном, дабы шокировать вас этими цифрами. Я упоминаю о трех случаях успешной работы бригады по установлению контактов с иными цивилизациями исключительно для того, чтобы подчеркнуть; что за этот же самый период времени наш госпиталь заработал в полную силу и инициировал целый ряд контактов с представителями новых для Федерации видов. В итоге в Федерацию вступили семь ранее неизвестных цивилизаций. И произошло это не за счет медленного, кропотливого и терпеливого выстраивания и расширения отношений вплоть до того, как стал возможен обмен сложными философскими и социологическими понятиями. Это случилось всего лишь благодаря тому, что была оказана медицинская помощь кому-то из представителей вышеупомянутых цивилизаций.

Главный психолог обвел присутствующих взглядом. Ему явно не были нужны заверения Приликлы в том, что теперь-то он уж точно безраздельно владеет их вниманием. Он продолжал:

– Безусловно, я все слишком упрощаю. У вас возникало немало проблем в процессе терапевтического или хирургического лечения существ, сталкиваться с которыми ранее не приходилось. К вашим услугам был переводческий компьютер госпиталя – второй по мощности в Галактике, вам при необходимости оказывали помощь специалисты по средствам связи из состава Корпуса Мониторов. Корпус непо-

средственно участвовал в спасении многих раненых инопланетян. Но факт остается фактом: вы, оказывая медицинскую помощь, демонстрировали добрую волю Федерации инопланетянам более просто и наглядно, чем это могло бы быть сделано в процессе долгого и нудного обмена соображениями по тому или иному поводу.

В результате произошли значительные перемены в самой стратегии осуществления процедуры первого контакта…

Был известен один-единственный способ перемещения в гиперпространстве и один-единственный способ подачи сигнала бедствия в случае аварии или выхода из строя каких-либо бортовых систем, когда звездолет безнадежно застревал где-то в обычном пространстве посреди звезд. Подпространственный радиосигнал не являлся надежным методом связи, поскольку был подвержен множеству искажений и наложений при прохождении вблизи от звезд. Помимо всего прочего, для отправки такого сигнала требовались немалые затраты энергии корабля, а у корабля, терпящего бедствие, энергии всегда в обрез. А вот с аварийным маяком дело обстояло иначе. Никто не требовал от этого устройства передачи связной информации. Маяк представлял собой всего-навсего прибор с небольшим автономным ядерным реактором и передавал сигнал, по которому можно было судить о его местоположении в космосе. То есть это был своеобразный подпространственный призыв о помощи, способный звучать от нескольких минут до нескольких часов.

Сведения о курсе, экипаже и пассажирах любого звездолета перед его стартом заносились в единую систему, и потому по координатам аварийного маяка всегда можно было более или менее определенно судить о том, к какому виду принадлежали попавшие в беду существа. В зависимости от этого, к месту аварии отправлялся звездолет-неотложка из Главного Госпиталя Сектора либо с родной планеты пострадавших, причем экипаж и медиков подбирали того же вида. Но бывали случаи – и таких случаев было немало, – когда в беду попадали существа, дотоле Федерации незнакомые, и им срочно требовалась помощь, а их потенциальные спасители не в состоянии были ее оказать.

Пострадавшие попадали в Главный Госпиталь Сектора только тогда, когда спасательный корабль обладал способностью расширить свою гиперпространственную оболочку настолько, чтобы она охватила пострадавшее судно, либо тогда, когда создавалась возможность безопасного извлечения раненых или больных инопланетян из их корабля и подготовки соответствующих помещений для них на звездолете Федерации. В результате многие, прежде неизвестные формы жизни, обладавшие высоким интеллектом и достигшие высокого уровня развития техники, попадали в руки врачей в виде образцов для патоморфологических исследований. Однако ответ на эту проблему постоянно искали и, похоже, наконец нашли.

Было решено оснастить один совершенно особенный ко-

рабль неотложной медицинской помощи, который должен был отвечать только на те сигналы бедствия, чьи координаты не совпадали бы с полетными планами кораблей Федерации.

– При возможности, – продолжал О'Мара, – мы предпочитаем иметь дело с представителями цивилизаций, освоивших межзвездные перелеты. В общении с существами разумными, но не владеющими космической техникой, возникает немало сложностей. Никогда не знаешь наверняка, чего добьешься, свалившись им на голову: то ли поможешь в естественном развитии, то ли, наоборот, это развитие замедлишь, ставя им, так сказать, техническую подножку и провоцируя появление тяжелейшего комплекса неполноценности.

– Но на корабле, терпящем бедствие, может не оказаться аварийного маяка, – вмешалась Нэйдрад. – Что тогда?

– Если существа, настолько высокоразвитые, что у них имеются звездолеты, не предусмотрели такого средства безопасности для своих сородичей, я бы не желал с ними знаться, – ответил О'Мара.

– Понимаю, – проговорила кельгианка.

Главный психолог кивнул и тут же продолжал:

– Теперь вы понимаете, почему четверых медиков высокой квалификации понизили в звании до членов бригады неотложки. – Он нажал на несколько клавиш на панели пульта, и звездная карта Федерации сменилась крупным и подробным планом корабля. О'Мара добавил: – Правда, неотложка весьма и весьма особенная, как видите. Капитан Флет-

чер, вам слово. Прошу вас.

Конвей обратил внимание на то, что О'Мара обратился к Флетчеру, назвав его должность, а не звание – по званию Флетчер был майором. Вероятно, Главный психолог сделал это для того, чтобы подчеркнуть, что Флетчер на корабле главный – вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет.

Флетчер принялся рассказывать о размерах, мощности и маневренности звездолета с упоением родителя, расписывающего прелести своего первенца. Конвей слушал его вполуха.

Изображение, красовавшееся на демонстрационном экране, Конвею было знакомо.

Он уже видел этот корабль в парковочной зоне госпиталя – похожий на гигантский белый дротик, поросший лесом наружных датчиков. Инспекционные панели на обшивке корабля были открыты, а рядом с ним сновали маленькие юркие катера с будничной серой окраской Корпуса Мониторов. По конфигурации и массе белый звездолет равнялся легкому крейсеру, то есть самому крупному из судов Корпуса Мониторов, способных к аэродинамическому маневрированию в планетарной атмосфере. Конвею уже довелось полюбоваться сверкающей белой обшивкой звездолета, его дельта-крыльями, на которых красовались Красный Крест, а также Солнце за Тучей, Желтый Лист и множество других символов бесплатной медицинской помощи, принятых в Федерации.

– Экипаж будет состоять целиком из существ, подпадающих под код физиологической классификации ДБДГ, – продолжал капитан Флетчер, – а это означает, что они, как большинство служащих Корпуса Мониторов, являются землянами или обитателями земных колоний.

Однако сам корабль построен на Тралте и потому обладает кое-какими структурными преимуществами, – проговорил Флетчер с нескрываемым энтузиазмом. – Мы назвали его «Ргабвар» в честь одного из прославленных тралтанских медиков. На борту созданы условия для проживания и работы медиков, принадлежащих к разным видам. Есть возможность варьировать силу притяжения, давление и состав атмосферы, обеспечивать персонал адекватным питанием, мебелью и прочими предметами быта. Условие единственное – медики должны быть теплокровными кислорододышащими существами. У нас не должно возникнуть проблем с размещением и жизнеобеспечением кельгиан-ДБЛФ (Флетчер выразительно посмотрел на Нэйдрад) и цинрусскийцев ГНЛО (тут он одарил взглядом Приликлу).

Единственным неспециализированным с точки зрения физиологии корабля отсеком, – продолжал Флетчер, – является медицинская палуба, состоящая из помещения для приема пострадавших и примыкающих к этому помещению палат. Размеры палубы таковы, что на ней можно легко разместить пациента, по массе равного взрослому чалдерианину. В палатах установлена аппаратура регулировки силы притя-

жения от нуля до пяти g, оборудование для создания различных параметров атмосферы, материальные и нематериальные средства обездвиживания пациентов – то есть ремни и гравилучи, которыми можно пользоваться в тех случаях, когда пациент напуган, агрессивен или нуждается в иммобилизации для осуществления процедур или хирургического вмешательства. Эта палуба целиком и полностью отдается в распоряжение медиков, и они будут готовить подходящие условия обитания для тех больных и раненых, которыми я буду их обеспечивать.

Это обстоятельство я должен подчеркнуть, – продолжал капитан более строгим тоном. – Ответственность за весь корабль, за обнаружение судна, терпящего бедствие, и за саму спасательную операцию лежит на мне. Извлечение неземлян из совершенно незнакомого по конструкции и планировке корабля – задача не из легких. В такой ситуации высока вероятность непреднамеренного включения неизвестных механизмов неведомого назначения, а также возможность травмирования спасателей, их попадания в токсичную или взрывоопасную среду, в условия повышенной радиации. Порой даже само проникновение внутрь чужого звездолета создает немало проблем, не говоря уже об извлечении раненого или больного инопланетянина без причинения ему новых травм…

Флетчер растерялся и огляделся по сторонам. Приликла забился, как в ознобе, от невидимого шквала эмоций,

исходящих от Нэйдрад, чья серебристая шерсть ощетинилась сердитыми иглами. Мерчисон без особого успеха пыталась сохранять бесстрастность. Конвей понимал, что и ему непроницаемое выражение лица соблюсти не удается.

О'Мара неодобрительно покачал головой:

– Капитан, вы не только сказали медикам, что им следует заниматься своим делом, вы еще принялись рассказывать им о том, как они должны заниматься своим делом. Вынужден напомнить вам, что Старший врач Конвей, обладая определенным опытом в многовидовой терапии и хирургии, несколько раз участвовал в работе на местах космических аварий, так же как патофизиолог Мерчисон и доктор Приликла, а Старшая медицинская сестра Нэйдрад в течение последних шести лет специализируется в оказании помощи тяжелораненым. Затеянный нами проект требует тесного сотрудничества. Вам потребуется сотрудничество бригады медиков, и я сильно подозреваю, что вы его получите независимо от того, будете ли вы этого просить. – О'Мара взглянул на Конвея и язвительно проговорил: – Доктор, вас я выбрал для участия в этом проекте из-за вашей способности работать с инопланетянами и понимать их, будь то ваши коллеги или ваши пациенты. Надеюсь, у вас не возникнет непреодолимых сложностей в том, чтобы достичь взаимопонимания и сработаться с новоназначенным командиром корабля, который по понятным причинам…

О'Мара не договорил. На пульте замигала лампочка сиг-

нала вызова, зазвучал голос заместителя Главного психолога:

– Пришел диагност Торннастор, сэр.

– Три минуты, – ответил О'Мара, не спуская глаз с Конвея, и продолжал: – Буду краток. В принципе я должен был бы оставить вам возможность отказаться от порученного задания, но речь идет о таком задании, что оно скорее будет разминкой для «Ргабвара», чем проверкой вашего профессионального опыта. Мы получили сигналы бедствия от разведывательного корабля «Тенельфи», команда которого состоит целиком из землян-ДБДГ, поэтому даже проблем общения с ними возникнуть не должно. Предстоит обычная поисково-спасательная операция. Спасенные вами члены экипажа «Тенельфи» впоследствии могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям за допущенную халатность, но это уже не ваша забота. «Ргабвар» будет готов к вылету раньше чем через час. Имеющиеся сведения о том, что случилось с «Тенельфи», – на этой кассете. Изучите ее, когда будете на борту.

Это все, – закончил свое повествование О'Мара. – Могу либо добавить, что Приликле и Нэйдрад нет нужды лететь только ради того, чтобы поучаствовать в лечении нескольких переломов или декомпрессии у ДБДГ. Никаких таких «вкусненьких» пациентов-инопланетян не предвидится и…

Он умолк, поскольку Приликла задрожал, а у Нэйдрад сердито зашевелилась шерсть. Первым подал голос эмпат.

– Если вы просите меня остаться в госпитале, я, конечно, останусь, – робко проговорил цинрусскиец, – но если бы мне предоставили возможность выбрать, я бы, конечно, отправился с…

– Для нас, – громко и внятно заявила Нэйдрад, – земляне-ДБДГ – очень даже «вкусненькие» инопланетяне.

О'Мара вздохнул:

– Вероятно, этого и следовало ожидать. Хорошо. Можете все отправляться на задание. Попросите Торннастора войти, когда будете уходить.

Оказавшись в коридоре, Конвей пару секунд постоял, пытаясь придумать самый короткий, пусть и не самый удобный путь до восемьдесят третьего уровня, где располагалась стоянка звездолета-неотложки. Затем он, не мешкая, сорвался с места. Приликла, проворно перебирая лапками, побежал по потолку, Нэйдрад, торопливо изгибая гусеницеподобное тело, устремилась следом за Конвеем. Замыкали процессию Мерчисон и капитан Флетчер, который явно боялся отстать и заблудиться в лабиринтах гигантской космической больницы.

Нашивка Старшего врача на рукаве у Конвея служила верным средством для расчистки дороги – то есть на нашивку безотказно реагировали медсестры и врачи рангом пониже, однако на пути попадались не только они, но и царственные и гиперрассеянные диагносты, обычно шагавшие напролом, ни на кого и на что не обращая внимания. Зачастую диагно-

сты принадлежали к коду физиологической классификации ФГЛИ, то бишь являлись тралтанами – огромными приземистыми шестиногими слонами, помимо ног снабженными еще и набором щупальцев. Встречу с тралтаном можно было уподобить встрече с автомобилем. По дороге бригаде неотложки попалась также парочка ЭЛНТ с планеты Мельфа, с виду похожих на гигантских крабов. Мельфиане укоризненно заскрипели на коллег, хотя сами были ранга на три ниже Конвея. И уж конечно, Конвею вовсе не захотелось пускаться в спор о привилегиях прохода по коридору с интерном-ТЛТУ, который дышал перегретым паром и чья защитная оболочка представляла собой огромный, оглушительно клацающий и шипящий танк – шипящий настолько пугающе, словно горячий пар, того и гляди, был готов вырваться из него наружу.

На ближайшем «перекрестке» все переоделись в легкие скафандры и, пройдя через люк, оказались в желтовато-туманном мире хлородышащих существ, илленсиан. Здесь коридоры кишели хрупкими членистоногими илленсианами, а попадавшиеся время от времени тралтаны, кельгиане и земляне были облачены порой в весьма тяжелые защитные костюмы. Следующий отрезок маршрута завел «неотложников» на уровень, где располагались залитые водой палаты для лечения чалдериан – тридцатиметровых вододышащих крокодилов с планеты Чалдерскол. Помахивая щупальцами, те неторопливо и гордо рассекали теплую зеленоватую воду.

Здесь скафандры менять не пришлось, вот только необходимость преодоления расстояния вплавь немного замедлила скорость продвижения. Но, невзирая на это, все оказались в доке через тридцать пять минут после выхода из кабинета О'Мары. Со скафандров струйками стекала чалдерианская вода.

Как только все вошли внутрь «Ргабвара», входной люк закрылся. Капитан поспешил к центральной шахте, в которой царила невесомость, и, цепляясь за скобы, направился вверх, к отсеку управления. Медики, не проявляя такой поспешности, устремились к медицинской палубе, расположенной в центральной части корабля. Оказавшись там, они осмотрели палаты и наладили оборудование так, чтобы все параметры соответствовали требованиям землян-ДБДГ при переломах и декомпрессии.

Несмотря на то что пребывание пострадавших на борту космической неотложки должно было исчисляться несколькими часами, а никак не днями, все зависело от той помощи, которую медики могли оказать пациентам буквально в первые минуты. Именно от этого зависел первоначальный диагноз – «жив» или «мертв при поступлении». Конвей думал о том, что для последней категории раненых даже в самом госпитале врачи уже ничего сделать не могли, и гадал, какие бы еще приготовления можно было учинить до приема пострадавших с неизвестной степенью травм и,общего состояния.

По всей вероятности, он плавно перешел от размышлений

про себя к размышлениям вслух, так как Нэйдрад неожиданно заявила:

– Здесь есть возможность принять двенадцать раненых, доктор, если предположить, что пострадал весь экипаж разведывательного корабля целиком да еще двое спасателей, что весьма и весьма маловероятно. Восемь коек приготовлено для пациентов со множественными переломами и еще четыре – для пациентов с черепно-мозговыми травмами, нуждающимися в кардиореспираторной поддержке. Подготовлены универсальные шины, средства иммобилизации и медицинские препараты, необходимые для существ, принадлежащих к коду физиологической классификации ДБДГ. Когда мы сможем ознакомиться с содержанием той записи, которую нам передал О'Мара?

– Думаю, скоро, – ответил Конвей. – Мне недостает эмпатического дара Приликлы, но я догадываюсь, что капитан вряд ли будет безумно счастлив, если мы узнаем о подробностях задания в его отсутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.